

РГБ ОД

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

16 АПР 1995

На правах рукописи.

ОРЛОВСКАЯ
Мария Николаевна

Язык памятников монгольской письменности
(XIII - XVII и XVII вв.)

Специальность 10.02.22 - Языки народов
зарубежных стран Азии, Африки,
аборигенов Америки и Австралии

Диссертация в форме научного доклада,
представленная к защите на соискание учёной степени
доктора филологических наук.

Москва 1994

Работа выполнена в Отделе языков
Института востоковедения РАН

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, проф. Игнатьев Г.Ц.
доктор филологических наук, проф. Насилов Д.М.
доктор филологических наук Чариков С.Л.

Защита состоится "22" февраля 1995 г.
на заседании Специализированного совета
Д.003.01.03 по филологическим наукам в
Институте востоковедения РАН по адресу:
103753 Москва, ул. Рождественка, 12

Научный доклад разослан "16" января 1995 г.

Ученый секретарь специализированного совета
кандидат филологических наук И.С. Сумбатова Сумбатова Н.Р.

В научном докладе подводятся итоги грамматического исследования языка памятников монгольской письменности XIII-XIV и XVII вв. по публикациям, осуществленным, в период с 1958 по 1994 гг. (Список опубликованных трудов прилагается в конце доклада).

Актуальность предпринятого автором труда обусловлена исключительной важностью углубленного исследования языка письменных памятников прошлых веков, ибо без этого невозможно сравнительно-историческое изучение определенной группы языков. Что касается семьи монгольских языков, то лингвистическое источниковедение представляется одним из самых перспективных направлений. Для воссоздания истории языка необходимы полные описания отдельных письменных памятников и выделение в них черт, унаследованных современным языком или со временем исчезнувших. Научное описание памятников важно не только для установления языковых связей во времени, но и для работы над сравнительно-исторической грамматикой данной группы языков, а также и при изучении истории науки о языке в целом. По поводу задач в монголоведении проф. Г.Д.Санжеев еще в 1963 г. писал: "Последующая работа в области монгольского сравнительно-исторического языкознания должна идти в следующих направлениях: во-первых, следует продолжить исследование диалектов и говоров монгольских языков... Во-вторых, необходимо значительно расширить углубленное изучение письменных памятников монгольских языков, не ограничиваясь здесь лишь публикацией источников" (Г.Д.Санжеев, Глагол., 1963, с.3-4).

А между тем до сравнительно недавнего времени изучение литературно-исторических памятников Монголии, особенно самых ранних, ограничивалось в основном их публикацией, историко-лингвистическими комментариями к публикациям или в лучшем случае изучением частных вопросов грамматики с привлечением данных из этих памятников.

Предлагаемый доклад содержит в себе результаты исследования морфологической структуры (с выходом в синтаксис) языка письменных памятников, относящихся к двум историческим периодам в развитии письменного монгольского языка: доклассическому и классическому.

Цель и задачи исследования состоят в выявлении и научной интерпретации лингвистических данных письменных текстов, относящихся к разным историческим эпохам. Язык исследованных письменных

памятников отличается от современного не только по стилю, лексике, структуре предложения, но и в области морфологии, которая, как известно, является наименее подвижной частью в структуре языка. Сопоставление выявленных грамматических форм и их значений в языке прежних эпох с современным состоянием дает возможность выяснить, в какой мере язык изменяется и что остается неизменным на протяжении определенных исторических отрезков времени.

Материалом для исследования послужили: 1/ тексты летописи XVII в. "Алтан тобчи" Лувсанданзана; 2/ тексты, относящиеся к XIII-XIV вв., краткое описание которых дается ниже.

Научная новизна положений и выводов, сформулированных в работе, заключается в том, что впервые в монголоведении проведено исследование грамматического строя письменных памятников разных эпох и сопоставление полученных результатов как между эпохами, так и с современным состоянием языка.

Историко-сопоставительное изучение языка памятников монгольской письменности разных эпох дало возможность проследить развитие языка в грамматическом аспекте с древних времен до современности, уточнить ранее бытовавшие в языке формы, проследить их развитие и преемственность. В ходе исследования появилась новая интерпретация происхождения и значения некоторых падежных и глагольных форм. Основные факты, полученные в результате исследования, свидетельствуют о динамике развития морфологических категорий на протяжении взятых нами исторических отрезков времени.

Исследование показало, что различные по своей природе морфологические данные увязываются в целостную систему развития языка с древних времен до его современного состояния. В работе сделан шаг от статистических, синхронных описаний отдельных текстов к диахроническому описанию монгольского языка на разных этапах его развития.

В результате в научный оборот введены новые материалы, которые вскрывают особенности языка определенных исторических периодов и которые не только уточняют, но в ряде случаев дополняют, а иногда и опровергают ранее высказанные утверждения о значении и употреблении отдельных грамматических форм.

Практическое значение. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы прежде всего при написании сравнительно-исторической грамматики монгольских языков, при подготовке спецкурсов по исторической морфологии и по истории монгольских языков, а также в учебных целях в преподавании монгольских языков. Материалы и выводы исследования могут представить интерес не только для монголоведов, но и для широкого круга алтаистов, занимающихся проблемами изучения языка письменных памятников, истории языка и сравнительно-исторических исследований. Кроме того полученные результаты могут найти применение и в типологическом языкознании (алтайские - сино-тибетские языки).

Апробация основных положений работы состоялась при обсуждении монографии "Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке" и "Язык Алтан тобчи" на заседаниях Сектора тюрко-монгольских и дальневосточных языков в ИВАН СССР.

Отдельные вопросы изучения языка летописи "Алтан тобчи", а также памятников монгольской письменности XIII-XIV вв. обсуждались на Международных, Всесоюзных и Всероссийских конференциях и симпозиумах и получили отражение в опубликованных тезисах и научных статьях, список которых прилагается.

Концепции автора по проблеме частей речи нашли практическое применение при составлении научных и нормативных грамматик, в частности при написании грамматик бурятского и калмыцкого языков.

Письменный монгольский язык и периоды его развития

Появление монгольской письменности на основе уйгурского алфавита обычно относится к концу XII - началу XIII в., причем до сих пор остается окончательно не установленным, какое монгольское племя и при каких обстоятельствах заимствовало эту письменность. Долгое время считалось, что это могли быть найманы или керейты, наиболее развитые в культурном отношении племена, жившие в ту пору по соседству с уйгурами. Эту гипотезу поддерживали Н. Емидт, А.М. Позднеев, Б.Я. Владимирцов, Г.Д. Санжеев, Н. Топле, E. Haenisch.

В последние годы выдвинута еще одна версия, связывающая происхождение монгольского письменного языка с киданями (Л. Ли-

гери, Л.Л.Викторова), а киданьский язык считается учеными, которые исследовали киданьские глоссы, сохранившиеся в китайских источниках, "безусловно монгольским" (Д.Кара, 1972, с.9-10; Л.Лигети, 1955, с.138).

Хотя ни одна из существующих гипотез до сих пор не получила обоснованного достаточными языковыми и историческими фактами подтверждения, все же для современного состояния наиболее предпочтительной остается киданьская версия, которую разрабатывают ныне ученые разных стран (Д.Кара - Венгрия; Чингэлтай - КНР; Ц.Шадрарсүрэн - Монголия).

Что касается периодов развития письменного монгольского языка, то здесь также не наблюдается единой точки зрения.

Предложенная в свое время акад. Б.Я.Владимирцовым периодизация в три периода: I - Древний - от неизвестного нам времени до начала XIV в.; II - Средний - от начала XIV до 2-ой половины XVI в. и III - Классический - от конца XVI, начала XVII до XX в. (Владимирцов, 1929, с.20-24) поддерживалась и другими учеными (Н.Поппе, 1937, с.13-14, Г.Д.Санжеев, 1964, с.9-10). Правда, у Н.Поппе, в отличие от Б.Я.Владимирцова, первый этап охватывает исторический промежуток от начала XIII в. и до XVII в., т.е. с момента появления письменных памятников до его "классического" периода. Второй - с XVII столетия до начала XX-го, а третий - с первых годов XX-го столетия (Н.Поппе, 1937, с.13-14; 1964, с.1-8).

Эта классификация нашла коррентировку у ряда других исследователей. Венгерский монголовед Л.Лигети считал, что первому периоду предшествовали еще два: "протомонгольский" и "древнемонгольский", о которых могут быть лишь гипотетические данные (Л.Лигети, 1955, с.136). Монгольские ученые (А.Лувсандэндэв, 1980, с.56-58; Д.Төмөртог, 1972, с.45-57) также отождествляют рамки первых периодов вглубь веков, однако надежных исторических и филологических данных для этого пока нет.

Конечно, вполне справедливо считать, что "возникновение монгольского языка... нельзя связывать с выступлением на историческую арену Чингис-хана" (Л.Лигети, 1955, с.137). Монгольский язык или диалект, легший в основу письменного монгольского языка, существовал задолго до того, как он был зафиксирован в памятниках на уйгуро-монгольской письменности, а затем на протяжении многих веков этот язык и письменность развивались и

изменялись.

При установлении же периодизации монгольского письменного языка необходимо все же иметь хотя бы общие представления о звуковом составе, грамматическом строе, лексике и изменениях в них, характерных для того или иного исторического отрезка времени. Поэтому нам представляется, что классификация Б.Я. Владимирцова в три периода и данная им историческая и лингвистическая характеристика каждого из них остается приемлемой и сейчас. И лишь можно было бы добавить, что третий, классический период, к началу второй половины XX в. сменился четвертым - его современным периодом (Орловская 1986 (0-13), с.80-90).

Краткая характеристика привлеченных к исследованию письменных памятников

I

Памятники XIII - XIV вв.

Древнейшие памятники на уйгуро-монгольской письменности относятся к XIII в. Это надписи на камнях ("Чингисов камень" или "Камень Есунке" - 1225 г.), некоторое количество дошедших до нас писем, указов и грамот ханов, надписей на ханских печатях, охранных листов. (Полное собрание этих письменных документов издано в 1883 г. в Китае: *Uyghuridin mongghol ts'ing-ün durasqaltu bišig-ün* - далее: УМУДБ).

Они свидетельствуют о высоком уровне древнего монгольского литературного языка на уйгуро-монгольском алфавите и дают представление о довольно развитой морфологии и синтаксисе, что в свою очередь предполагает наличие более древних, не дошедших до нас письменных литературных источников. Эти памятники свидетельствуют и о предшествующем длительном пути развития письменного языка, выработавшего определенные грамматические формы и свой стиль.

Значительно полнее письменный литературный язык представлен источниками, относящимися к XIV в.

Одним из них является *Hsiao ching*, "Книга сыновнего почтения" - далее НС, древнейшее китайское сочинение, переведенное в древности же на многие языки Востока, в том числе и на монгольский. Это редчайшая и единственная изданная на монгольском языке книга юаньского периода (XIII-XIV вв.), памятник древнего, доклассического монгольского языка.

Большая заслуга в исследовании этого памятника принадлежит монгольскому ученому Л. Дувсанбадану, который, находясь в 50-х гг. в Пекине, приобрел микрофильм текста и в 1961 г. издал монографию "Ачлалт номын тухай" ("О книге почтения родителей"). Этот труд ученого имел огромное значение, так как в научный оборот впервые поступил полный текст ксилографа и оригинальный памятник стал доступен монголооведам для исследования.

Изучением этого памятника, помимо его первооткрывателей В. Фукса и А. Мостаерта, занимался также венгерский ученый Л. Лигети, опубликовавший уточненную транскрипцию текста и рассмотревший его некоторые орфографические особенности, а также австралийский востоковед И. Рахевильц, издавший в 1982 г. текст памятника, предпослав ему введение, где высказывает мысль, что язык монгольского текста выражает определенные черты самой ранней даты составления, возможно, ранее середины XIII в. (И. Рахевильц, 1982, с. 18). Ряд публикаций по отдельным главам Hsiao ching принадлежит проф. Гарвардского университета С. В. Кливсу (Cleaves F. W., 1962, 1963, 1985, 1993, 1994).

Все ученые, занимавшиеся изданием текста и комментариями к нему, единодушно в том, что этот письменный памятник является образцом монгольского языка юаньского периода и что текст его заслуживает специального грамматического исследования.

К памятникам монгольской письменности XIV в. относится и серия двуязычных китайско-монгольских текстов.

Китайско-монгольские надписи на стелах - это двуязычные памятники времен правления последнего монгольского императора юаньской династии (1271-1368) Тогои Темура (1320-1370).

Первая из нескольких (по крайней мере шести ныне известных) надписей была высечена на камне и установлена в 1335 г. Монгольский текст этой стелы был впервые опубликован в 1937 г. японским ученым Тамуга Джитсубо в журнале *Monggol-un sudulal* (Mongolica). Появились публикации и в японских изданиях. По содержанию текст этой надписи представляет собой генеалогию и историю семьи китайского происхождения, служившей монгольским правителям на протяжении пяти поколений. Это двуязычный памятник-неоценимый источник не только по истории юаньской династии, но и прекрасный материал по древнемонгольскому письменному языку. В 1950 г. В. Кливс опубликовал в (HJAS, V. 13, № 1-2) китай-

ский и монгольский тексты, их переводы на английский язык с историко-филологическими комментариями и индексом.

Вторая надпись была составлена в 1338 г. Ее монгольский текст также был опубликован в 1937 г. в *Mongol-un sudulal (Mongolica) Tamuga Jitsuzō*. Эта двуязычная надпись также неосценима по значению как исторический и лингвистический памятник эпохи каней. Это уникальный источник по генеалогии и истории монгольской семьи, по крайней мере в трех поколениях преданно служившей двору. Китайский и монгольский тексты и этой стелы с переводами их на английский язык, комментариями и индексом были осуществлены В.Кливсом и опубликованы в (*HJAS*, 1951, v14, № 1-2).

В 1340 г. была составлена третья из подобных надписей. Она высечена на камне, установленном в одном из древних храмов, расположенном в горах китайской провинции Нь-нань, сохранившимся до сих пор (*УМУДБ*, с.307).

Монгольский текст памятника с изложением его на классическом письменном монгольском опубликован в (*УМУДБ*, с.307-318).

Стела 1346 г., воздвигнутая по указу императора Тогона Тэмюра, сохранилась не полностью. Только четыре ее отдельных фрагмента были обнаружены на месте бывшей столицы Каракорум.

Несмотря на свою неполную сохранность, монгольский текст и этого памятника представляет собой образец монгольского письменного языка XIV столетия. Кроме лингвистического аспекта надпись представляет интерес и для изучения истории буддизма в Монголии, так как является единственным источником тех времен по описанию огромного буддийского храма в Каракоруме, который был заложен еще Угэдэй-ханом в 1220 г. Эта надпись также была исследована В.Кливсом (*HJAS*, 1952, v .15, № 1-2).

В 1967 г. в (*HJAS*, v.27) В.Кливс опубликовал статью о китайско-монгольской надписи 1348 г. В этой статье он представил снимок китайского текста. Камень, на котором была высечена надпись, был уже разбит, и поэтому надпись сохранилась частично. Из скопированного китайского текста видны только две строки монгольского текста, завершающего китайскую надпись (снимок камня с фрагментом монгольского текста опубликован в *УМУДБ*, с. 342).

И, наконец, шестая стела относится к 1362 г. Изучение и этого двуязычного памятника связано с именем В.Кливса. В 1949 г

в (HJAS, v. 12, № 1-2) появилась его публикация китайского текста с переводом на английский язык и комментариями, а также монгольского текста, его латинской транскрипции также с переводом на английский язык, комментариями и индексом. Это исследование представляло собой исправленный и дополненный вариант докторской диссертации автора, представленной на защиту в 1942г. в Гарвардском университете в Кембридже.

Стела 1362 г. представляет собой уникальный источник по генеалогии и истории семьи тюркского происхождения, которая служила монгольским правителям в течение пяти поколений. Монгольский текст этого памятника представляет собой прекрасный образец письменного монгольского языка 2-ой половины XIV в.

К образцам древней монгольской литературы и монгольского языка юаньского периода относится и текст "Двенадцати деяний Будды", публикацию с примечаниями и перевод на английский язык которого осуществил в 1967 г. Н.Поппе. Считается, что это слегка сокращенная версия Lalitavistara, составленная по-тибетски в XIV в. Чойджи Одсером, известным монгольским ученым и переводчиком буддийских сочинений. В XIV же веке текст был переведен на монгольский язык по поручению императора Исун Тэмюра (1293-1328). Монгольский перевод сохранился частично и хотя обнаружен был не его оригинал, а более поздняя копия (XVII в.), его, по словам Н.Поппе, можно считать шедевром монгольской каллиграфии того времени, который содержит как древнюю лексику, так и грамматические формы, характерные для доклассического монгольского языка (Н.Поппе, 1967, с.19).

К исследованию особенностей монгольского языка доклассического периода был привлечен и текст "Сокровенного сказания монголов".

"Сокровенное сказание" - первый монгольский национальный литературно-исторический памятник XIII в., по своему значению причисляемый к великим литературным памятникам мира. Это монгольское сочинение было транскрибировано (с предполагаемого уйгуро-монгольского первоисточника) китайскими иероглифами и переведено на китайский язык с целью изучения монгольского языка китайцами в минскую эпоху или даже, как считает ученый из Внутренней Монголии Баяр, в эпоху юаньских императоров (1271-1368).

Начало исследования этого замечательного памятника в Рос-

сии было положено русским ученым архимандритом Палладием Касаровым, опубликовавшим в 1866 г. перевод "Сокровенного сказания" на русский язык под названием "Старинное монгольское сказание о Чингис-хане".

К настоящему времени опубликованы сотни трудов ученых разных стран Европы, Азии и Америки, посвященных переводу этого произведения на европейские и восточные языки, а также изучению его языка. И тем не менее исследование этого произведения далеко не закончено: продолжается работа по уточнению транскрипции и реконструкции монгольского оригинала, изучаются отдельные разделы грамматики и синтаксиса его текста.

Памятник XVII в. "Алтан тобчи" Лувсанданзана

XVII в. в истории монгольского языка считается периодом становления классического письменного языка. Среди летописей этого века одной из самых интересных по содержанию признается "Алтан тобчи" Лувсанданзана - крупная историческая хроника и литературный памятник. Список этой летописи, полное название которого "Золотой свод, содержащий краткую историю государственного правления, основанного древнейшими царями", был обнаружен в восточной Халхе первым председателем Ученого комитета Монгольской Народной Республики Джамьян-гуном, прекрасным знатоком старинных рукописей.

Впервые рукопись была издана в 1937 г. в Уланбаторе в двух книгах (далее АТ I и АТ II). В 1952 г. в США была издана фотокопия Уланбаторского издания в одной книге с предисловием Ч.В. Кливза и вводной статьей А.Мостаерта (Altan tobči, 1952). Имеются переводы на современный монгольский и русский языки (Ц. Шагдар, 1957 и 1990; Шастина, 1973). В 1992 г. в Токио был опубликован текст и индекс этой хроники, подготовленные Х.-П.Ситце и Г.Лувсаном (далее АТ 3).

Получив широкую известность в мире, сочинение Лувсанданзана не раз привлекалось к исследованию многими учеными и прежде всего как источник для изучения древней истории монголов. При этом отмечалось, что текст летописи "заслуживает специального лингвистического исследования". Язык "Алтан тобчи", как и более ранних письменных памятников, отличается от современного языка не только по стилю, лексике (наличие значительного количества архаизмов) или синтаксических конструкций (что требует специ-

ального исследования), но и в области морфологии (подробнее об "Алтан тобчи": (0-2)).

Некоторые лексико-графические особенности
привлеченных к исследованию письменных памятников

Что касается древнего монгольского письма, то написание букв усвоенного монголами к XIII в. уйгурского алфавита согдийского происхождения до XVI в. оставалось почти без изменения. В течение всего этого периода шел медленный процесс изменения уйгурского почерка и начертания уйгурских знаков. И лишь к концу XVI - началу XVII в. этот процесс закончился выработкой монгольской формы написания знаков алфавита.

В древних текстах отсутствовала пунктуация, за редким исключением употребления двух точек (:/), которые могли стоять как в конце предложения или целого абзаца, так и в любой части предложения, а чаще и вообще отсутствовали, и четырех точек (/.../), завершающих все сочинение, иногда его части. Следует отметить также отсутствие (за редким исключением) знаков диакритики, т.е. простой точки перед знаком п и двух точек перед знаком для џ в предвокальной позиции. Но с другой стороны, эти же точки могли стоять перед этими согласными в позиции перед согласными, что противоречит более поздним, классическим, правилам диакритики.

В области лексики ранние тексты характерны не только наличием тюркизмов, китаизмов и других иноязычных слов, но и написанием многих лексем в древней уйгурской орфографии, например: ʒrɨɣʷ в м. ʒarɨɣʷ "указ, повеление", tɨŋgri в м. tɨngri или tɨngeri "небо".

В этих текстах употреблялись древние архаичные формы написания таких слов, как beʒin (уйг. форма), монг. beʒin "обезьяна", meŋgɨʷ в м. более поздней mɔŋgɨʷ "серебро" и др. Классической форме qoriy=a часто соответствовала qoriɣ=a "огороженное место", хотя в целом закономерность в употреблении =ige ~ =iye отсутствовала: одно и то же слово писалось по-разному, например, emige= (НС, 2а) и emiye= (НС, 16в, 29а) "бояться"; kiʒige= (НС, 7в, 33а) и kiʒiye= (НС, 28в) "стремиться".

Также следуя древней уйгурской орфографии, во многих словах вместо начального е писали а: aɨe в м. ene "этот", aʒige в м. eʒige "отец" и мн.др. Равным образом вместо начальных ъ и ѓ писали о, и, особенно в тех случаях, когда их мягкое произноше-

не было очевидно из следовавших за ними мягкорядных согласных к. Э. например: жүг в.м. жүг "сторона, направление", монгке в.м. мōngке "вечный". Однако твердые о, и употреблялись и тогда, когда мягкие согласные отсутствовали: ёом в.м. ёōm "все вместе", јоб в.м. јь "верно, правильно" и т.д.

С другой стороны, отмечено написание в словах с твердоярдыным окализмом мягких гласных: энгкен (НС, 26а) в.м. аnγqan "вначале", "впервые", дōrūn=е (НС, 33в) в.м. dоrūn=a "восток".

В китайско-монгольских надписях XIV в. обычным было написание в первых слогах слов переднеязычного ü в словах с гласными заднего ряда: үүрбан в.м. үurβan "три", бүсүд/бүсү в.м. usud/busu "другие".

Судьбы множ.ч. (класс.=nuγud/=nüγüd) в древних текстах независимо от принадлежности гласных предшествующего слова к переднему или заднему ряду, писался, как правило, с твердым вокализмом: тōröl=nuγud (ТД, 56, F 52v) "перерождения"; ёōl=nuγud С1., 1362, с.64) "пустыни". Такое написание считалось традиционным и было свойственно большинству доклассических текстов, что свидетельствует о неустоявшейся в то время монгольской орфографии.

Падежные форманты, лично-притяжательные частицы, показатели множ. числа писались преимущественно слитно с основой слова, тогда как в классическом монгольском они пишутся раздельно.

В лексике употреблялось немало слов, исчезнувших в классическом или сохранившихся в нем, но в ином графическом облике, например: түрүн или түр=үн (С1., 1362, с.65, 66) "в начале"; ср. в класс.монг. түрүгү "прежде, раньше; недавно". Глагол иди "руководить, вести за собой" > класс.монг. идирид=, халх, дидрид= "ид". От него было образовано существительное идиш "руководство": идишүг (С1., 1346, с.153) "под руководством".

К орфографическим особенностям текста "Алтан тобчи" следует отнести отсутствие (так же, как и в доклассических текстах) системы в употреблении диакритических знаков. Часто они отсутствуют там, где с точки зрения классических правил должны быть, и употреблены там, где они не нужны, например, точка перед предконсонантным "н" или перед "ч", которые ее не требуют. В тексте летописи не различается написание ё и ү, везде пишется ё. Такое написание считается характерным для древних и средневековых рукописей. Наряду с графическими слогами ГСГ для передачи

длгого гласного в конце слов мягкого ряда употребляются и слоги ГОГГ, например: *degi* и *degiu* "младший".

Орфография не выдержана порою даже для одного и того же слова, например, *Yogidun* и *Yogidun* "речка" и во мн. др.

Вопреки классическим нормам, согласно которым падежные форманты пишутся раздельно от основы слова, в данной летописи они встречаются как в раздельном, так и в слитном написании. Это же относится и к некоторым глагольным морфемам, например: *zaga=* *=uin* и *zagauin* "месяца" (род.п.), *ködel=ün* и *ködelün* "двигаюсь" - форма слитного деепричастия.

Такая "невидержанность" орфографии является результатом смешения старых (доклассических) и новых (классических) норм. Создание единого правописания завершилось позже, в XIII в., а в XIV в. старое еще продолжало уживаться с новым.

В языке "Алтан тобчи" сохранилось еще некоторое количество слов, ставших к XIV в. архаизмами и поэтому они снабжались автором летописи параллельными глоссами, например: с древней формой *peüni* "кочевье" рядом ставится другая *peüdel* "id"; *tün=* "в лесу", "в роще" поясняется словом *siu=*с и мн.др.

Грамматические особенности текстов

Сравнивая язык доклассических текстов с классическим и частично с современным, мы пытались выявить особенности состава и употребления грамматических (морфологических) средств словоизменения и в отдельных случаях суффиксального словообразования различных классов слов в анализируемых памятниках и объяснить отличия и своеобразие (если такие обнаружатся) в их значении и употреблении.

В доклассических текстах выявлены те же части речи (классы слов), что и в классическом и современном языках, а именно: 1/ имена существительные, 2/ имена прилагательные, 3/ местоимения, 4/ числительные, 5/ глагол (его причастные и деепричастные формы), 6/ наречия, 7/ послелоги, 8/ союзы, 9/ частицы.

Именные формы

О категории рода. Существует общепризнанное мнение, что категория рода в алтайских языках, в том числе и в монгольских, отсутствует. Тем не менее многие исследователи этих языков пытались обнаружить хотя бы некоторые следы или остатки этой ка-

тегории [Владимирцов, 1925, с.31-34; Р.Пельйо, 1932 IV.XXI, Г.Дёрфер 1955, с.219-267; Г.Д.Санжеев, 1956, с.74; Одзава Сигэо, 1955, с.106]. Ученые исходили из того, что в древности для выражения категории рода использовались некоторые словообразовательные суффиксы для различения женского и мужского полов кивых существ: хутугтай "святая", хутугту "святой", а также гармония гласных: аха "старший брат", эхе "старшая", "матушка".

Отметим также, что в системе терминов 12-летнего животного цикла монголы различают года по цветовым гаммам [Синий, красный, желтый, белый, черный]. При этом названия цветов подразделяются по отношению к мужскому и женскому полу животного цикла. Для обозначения женского пола использовался суффикс =*jin*/*jin* : *ula^{ai}jin* "красная" < *ula^{an}* "красный" и т.д.

Для обозначения лиц и имен женского пола в доклассических текстах использовался суффикс =*jin*, а для лиц мужского пола =*ai*: *bu^{an}jin* [С1., 1362, с.66] "Булкин" [женское имя] < *bu^{an}* "добродетель", "благотворительность"; ср. *Barqu^{ai} mer^{gen}* [Ск.ск. § 8] "Баргудай мерген" [мужское имя].

Кроме того посредством суффикса =*jin* обозначалось название самок животных по возрастному признаку. Производными основами в таких случаях служили имена числительные: *quna^{ai}jin* [Ск.ск. § 195] "трехлетняя" [о самке животных], ср. *quna^{an}* "трехлетний" [о самце].

В женских именах употреблялся и суффикс =*lun*/*lün*: *Tem^{il}lün neretei niken ökin törebi* [Ск.ск. § 60] "Родилась девочка по имени Темулун". *Tem^{il}lün* < *tem^{ür}* "железо". Ср. *Tem^{ür}* [мужское имя].

Одзава Сигэо [1955, с.106]; Г.Дёрфер [1955, с.239], Баяр [1933, с.250] относят к категории рода и употребление суффикса =*tu*/*tü* [ж.р.], а =*tai*/*tei* [ж.р.]. Действительно, в тексте "Сокровенного сказания" =*tu*/*tü* используется в большинстве случаев по отношению к именам мужского пола, а =*tai*/*tei* - женского. Однако =*tai*/*tei* употребляется и в связи с именами мужского пола. Ср. примеры: *Alan qo'a neretei ökin...* [Ск.ск. § 8] "девушка по имени Алан-гва" и *Qada'an neretei ere-yi minu...* [Ск.ск. § 146] "Моего мужа по имени Хадаан". Однако все эти случаи нельзя рассматривать как свидетельство наличия в монгольском языке категории грамматического рода. Приведенные выше суффиксы

и явления гармонии гласных используются только в сфере словообразования для различения имен, обозначающих живых существ по полу" (Санжеев, 1956, с.74).

В древних монгольских текстах, и в первую очередь, в "Сокровенном сказании" были выявлены и некоторые грамматические формы глаголов в основном изъявительные прошедшего времени, которые как бы подтверждали наличие грамматического рода в монгольском языке самого раннего периода (Н.Пелио, Г.Дёрфер, Олзава С.). Это формы на =bi, =li'ci/=li'i как варианты =ba/=be и =luc/ =lü'e и некоторые др. Первыми оформлялись (иногда) сказуемые, когда подлежащее в предложении или лицо, в пользу которого совершалось действие, были лицами женского пола: *Atala Alan-qo'a eke anu ügei bolbi* (Ск.ск. § 22) "Тем временем мать их, Алян-гуа, скончалась". В надписях XIV в. употреблялась глагольная форма =jigi/=ǰigi как вариант *präteritum imperfecti* на =juci/=ǰuci, которая также иногда употреблялась для обозначения действия, относящегося к лицам женского пола: Ср. предложения: *mön kü uridu yosufar... nereber wungsinglaysan ajuu... Gergei ong-si-da... nerber wunsinglajigi* (Сл. 1935, с.74) "Точно так же, как и прежде, он даровал посмертно (отцу) титул... Супруге Онг-ши также посмертно даровал титул...".

Однако, несмотря на определенное количество подобных примеров как в тексте "Сокровенного сказания", так и в других памятниках раннего периода, вряд ли можно утверждать, что в монгольском языке XIII-XIV вв. существовала грамматическая категория рода, как это **утверждают** некоторые ученые (Санжеев, 1956, с.75; Баяр, 1993, с.250).

Если исходить из того, что род - это лексико-грамматическая категория, то с лингвистической точки зрения о наличии ее в языке можно говорить лишь в том случае, если имеются признаки, указывающие на способность подлежащих сочетаться по роду с теми или иными формами сказуемых. При этом должна существовать определенная закономерность и последовательность в употреблении глагольных форм в сказуемом, согласуемом с подлежащим или, если допустить более широкое толкование: согласование сказуемого не только с подлежащим, но и с другими членами предложения, обозначенными лицами женского пола.

Анализ текста "Сокровенного сказания" и других памятников XIII-XIV вв. показывает, что при бесспорном факте употребления в

ряде случаев разных глагольных форм в зависимости от наличия в предложении имен, обозначающих лиц мужского или женского пола, такое согласование встречалось не так уж часто. Это была не закономерная и последовательно выраженная система, а лишь ее отдельные проявления (чаще и при наличии в предложении имен, обозначающих женский пол, употреблялись обычные глагольные формы): Alan-*qo'a* neretei... ökin *aḷuḷu* (Ск.ск. § 7) "Была девушка по имени... Алан-гуа". Более того, и при отсутствии в тексте действующих лиц, выраженных именами мужского пола, употреблялась форма =bi вместо =ba : *noḷan-u* *bidan-u* *qusaqai* *dawun* *ḡawui* *bolbi* (Ск.ск. § 189) "Наши собаки стали тревожно лаять".

Следовательно, в языке XIII-XIV вв. это были лишь отдельные случаи согласования сказуемого с подлежащим или с другими членами предложения по их принадлежности к полу. А это лишь допускает возможность существования грамматической категории рода в более древнем языке или диалекте, по которым у нас, к сожалению, отсутствуют достоверные источники.

Категория числа. Отсутствие в монгольском языке грамматической категории рода, согласования в роде, числе и падеже накладывает своеобразие и на категорию множественности в этом языке.

Объекты здесь чаще мыслятся как собирательные, т.е. как определенное единство во множестве или как понятия, не мыслимые в единственном числе: *aiḷün* "глаз", "глаза"; *ḷsḷḷḡ* "буква", "алфавит", "письменность".

Кроме того действует своеобразное правило согласования имен с числовым показателем: если перед именем стоит числовой определитель, то определяемое не нуждается в показателе множественности. Эти правила в большей степени свойственны современному языку. Однако в доклассическом и в классическом существовала развитая система показателей множ. числа, и употреблялись они намного чаще по сравнению с современным языком, т.е. в своем развитии "монгольский язык" от согласования формального шел к согласованию логическому" (Козин, 1946, с.122).

В доклассическом и классическом языке существовало формальное согласование определяемого с определителем и не только с количественным, но и качественным: *ḡörben* *köḷid* "четыре сына" (кḡḷid - ил.ч. от *kḡ'ün* "сын"), *ḡayid* *ökid* "прекрасные девушки". (определение и определяемое во множ. числе).

В доклассических текстах система показателей множественного числа имела уже полное развитие и была представлена в основном теми же самыми формантами, что и в классическом и современном языках, хотя в последнем множественное число имен употребляется значительно реже и с определенными ограничениями.

В текстах XIII-XIV вв. существовали следующие показатели множественного числа: =a/=t, =ua/=üa, =yua/=yüa, =na/yua/=nä/yüa, =s, =n, =nar, =tan. Все они имеются и в классическом языке.

Самым продуктивным из них был =a/=t, присоединяющийся к основам: 1/ на =n (реже -l), которые при этом утрачиваются: qan "хан" - qad мн.ч.; tüsimel "чиновник" - tüsimed мн.ч.; 2/ =sun, также выпадающий: qibçasun "одежда" - qibçad мн.ч. Этот тип образования множ.ч. не характерен для современного языка. Во-первых, в современном языке подобные имена сохраняют в своей основе начальный элемент суффикса =sun - =s, во-вторых, к этому =s присоединяются уже иные показатели множ.ч., главным образом =ууд/=үүд. 3/ =r, при этом также выпадающий: ууигур "уйгур" - ууигуа мн.ч. В современном языке к именам на =r (за исключением слова нёкёр "друг", "товарищ") присоединяется, как правило, суффикс =ууа/=үүд. 4/ Реже суффикс =a/=t присоединялся к основам на гласные: qota "город" - qotaд мн.ч., nūke "яма" - nūked мн.ч. В тексте АТ в единственном случае множ.ч. на =a употреблено от основы на =ä : ös "месть" - ösöd мн.ч. Случай этот редкий и в том смысле, что именам с подобным лексическим значением не свойственна форма множественного числа.

Суффикс =ua/=üa присоединялся к основам на согласные =y/=s, =ng, =m: uruу "родня", "сородичи" - uruуud мн.ч.; öerig "войско" - öerigüa мн.ч.; Jobalang "страдание" - Jobalangüa мн.ч.; Jam "путь", "дорога" - Jamud мн.ч.

После прочих согласных, реже - гласных, употреблялся суффикс =nu/yua/=nä/yüa: törböl "рождение" törbölnä/yüa мн.ч.; ötegüs "старейшина" - ötegüs nu/yua мн.ч.

Суффикс =yua отмечен в словах на =öi: qaraqöi(n) "черный" - qaraqöiyua мн.ч.

К древнейшим относится и суффикс =s, распространенный как в текстах XIII-XIV вв., так и в классическом языке. Употреблялся он после основ на гласные и ди́тонги: аула "гора" - аулас мн.ч. ноцаи "собака" - ноцас мн.ч.

Суффикс =v, присоединяясь к эдвербиальным прилагательным, выполнял субстантивирующую функцию, переводя их в разряд существительных: qoyidu "последующий", "будущий" - qoyidus "потомки"; uridu "предыдущий" - uridus "предки".

Суффикс =nar всегда имел ограниченную сферу употребления, так как служил для обозначения множества лиц, находящихся в родственных отношениях, и живых существ в собирательном значении: naqaðu "дядя", "родственник по матери" - naqaðu nar мн.ч. tagri "небо", "божество" - tagri nar "небожители".

Суффикс =n. В монголоведной литературе не раз отмечалось, что в древнейших памятниках монгольской письменности после имен, оканчивающихся на =i, =ai, =ui, =qui/=küi, =ǰi/=ǰǰi, употреблялся суффикс множ.ч. =n (Ал.Бобровников, Рамstedt, Хейниш, Санжеев). К этим окончаниям добавим и =u/=ü: borbi "пяточное сухожилие" - borbin мн.ч., teyiaǰi "такой" - teyiaǰin мн.ч.; üǰemerǰi "провидец, предсказатель" - üǰemerǰin мн.ч.

Однако значение множественности в именах с этим суффиксом и в ранних текстах уже стало ослабевать. Так, например, в словоформе eǰǰin мн.ч. otelǰi "гонимый", "посланный" появилось и значение единичности (Ск.ск. § 135), а имена на =n чередовались с именами на =d. Ср. üǰemerǰin (НС, 37a) мн.ч. от üǰemerǰi "предсказатель", "провидец" и üǰemerǰid; sibeǰeid (НС, 14b) мн.ч. от sibeǰei ~ sibeǰein "служанка", т.е. суффикс =n утрачивал свое значение показателя множ.ч., которое переходило к суффиксу =d, ставшему одним из самых распространенных как в текстах XIII-XIV вв., так и в классических.

Суффикс =tan. Этот суффикс определяется в монголоведении как суффикс, образующий имена с собирательным значением (наименование социальных групп людей и видов животных). Признавая за ним общее значение собирательной множественности, ученые расходятся, однако, в вопросе о его происхождении. Одни полагают, что форма множ.ч. на =n от имен на =tai (Haenisch, 1950, с.5-6; I.Поппе, 1937, с.112), другие, что =tan является исторически "цельным и неразложимым" (Санжеев, 1953, с.134; Бертагеев, 1964, с.106).

Ранние тексты свидетельствуют, что =tan, действительно, первоначально мог существовать как единый и неделимый суффикс, обозначающий некогда племенную принадлежность лиц, а впоследствии совокупность лиц и других живых существ, обладающих каким-

то общим признаком, например: *mongɔl obuɕtan* [АТ I, с.4] "род (племя) монголов" при *obuɕ* "род, племя"; *tɔmɔjɔin=ten* [АТ I, с.17] "Темучинцы (темучиновские), т.е. Темучин и его братья".

В этой связи небезынтересно отметить, что в нивхском языке, например, имеется суффикс *=ten ~ =ran ~ =dan* с собирательным значением, полностью совпадающий в этом отношении с монгольским *=tan* и восходящий к слову *tan* "докачадэн", "совокупность членов того или иного объединения людей" (Панфилов, 1973, с.3-12).

В современном монгольском языке *=tan* является весьма продуктивным в сфере образования имен именно со значением множественности, совокупности лиц, занимающихся определенно деятельностью, или живых существ, обладающих каким-то общим свойством.

Однако как в доклассических, так и в классических текстах *=tan* употреблялся и как обычный показатель множ.ч. при обозначении лиц, обладающих каким-л. предметом или качеством: *arɔlan bars terigüten* [ТД, 59, F 55v] "с головами львов и тигров"; *seben biligten küsüten köbeğüd* [ТД, 62, F 58r] "умные, талантливые и сильные юноши (сыновья)". Это, как нам кажется, дает основание предположить, что мы имеем дело с двумя разными суффиксами: 1/ *=tan* как неразложимый формант, обозначающий совокупность, множество и 2/ *=tan* - форма множ.ч. от *=tai*, указывающего на наличие признака, качества в чем (ком)-либо.

Особенности употребления множественного числа. Если в XIII в. уже произошел некоторый сдвиг в употреблении форм множественного числа в сторону современных языковых норм, то в XIII-XIV вв. отличий от современных правил было значительно больше. К ним относятся следующие: 1/ формы множ.ч. имели имена, которые в современном языке либо вообще употребляются только в единств.ч., *sönit* [Ск.ск. § 21v] "ночи", *tusas* [Ск.ск. § 203] "услуги; польза"; *γad* [АТ I, с.154] "руки", либо употребляются с иными показателями множественности: *ср.луγud* и *нугасууд* "утки".

2/ Множественным числом оформлялось определяемое и при наличии количественного определения: *γirγuγan köbeğüd* [С1., 1362, 66] "шесть сыновей".

3/ Существовало согласование в числе определения с определяемым: *sauγūiles* [С1., 1338, с.54] "добрые дела"; *oroγūlduγsad quβsād* [АС, 6a] "одежды (следяния), установленные

для ношения)". Отметим, что словоформа *sayid* мн.ч. от *sayin* "хороший", "добрый" в современном языке употребляется только субстантивно и в значении единственного числа "министр", а форма множ.ч. на $=\gamma sad$ от $=\gamma san$ (причастие прошедшего времени) в качестве согласуемого определения в современном языке не может употребляться, так как в таком случае она субстантивируется и обозначает только лиц, совершивших действие, выраженное в глагольной основе.

4) В отличие от современного языка, в котором при наличии однородных членов предложения форму множ. числа, как правило, получает только последнее из них, в доклассическом и классическом языке каждый из таких членов мог быть оформлен показателем множественности: *morid uked qanid* (Бл., 1938, с.53) "коня, крупный рогатый скот, овцы", *nuqad qalaqad* (АТ I, с.14) "утки и гуси".

5) в форме множественного числа могли употребляться вопросительные местоимения *ken* "кто?" - *ked* мн.ч.; *yu'up* "что?" - *yu'ud* мн.ч. (Ск.ск. §§ 195, 254).

К специфике категории числа надо отнести и то, что здесь, как и в случае с падежными формантами, присутствует не только грамматический аспект, но и элементы лексичности. Об этом свидетельствует употребление таких суффиксов, как $=a$, $=d$, которые присоединяясь к именам, обозначающим признаки, переводят их в разряд существительных: *uridu* "предыдущий" - *uridus* "предки", *sayin* "хороший" - *sayid* - мн.ч., но и "вельможа", в современном языке "министр". Суффикс $=tan$ после собственных имен обозначает множество лиц, принадлежащих к семье (роду) названного лица: *Temu'jin=tan* (Ск.ск. § 99) "Темуджиновцы (т.е. вся семья Темуджина)".

Падежи и их основные значения. Как в доклассических, так и в классических текстах выявлены девять падежей: именительный, родительный, винительный, дательно-местный, местный, исходный, орудный, соединительный, совместный.

Именительный падеж морфологического показателя не имеет. Принято считать, что он совпадает с основой слова. В большинстве случаев это действительно так, поскольку различие между основой и именительным падежом проявляется только в именах с так называемым неустойчивым конечным согласным $=n$, причем его "неустойчивость" проявляется исключительно в системе словоизменения.

Ученые уже давно обратили внимание на этот конечный согласный, но причины его наличия в одних падежах и отсутствия в других не установлены. Известно только, что все слова, оканчивающиеся на =n, делятся на две группы: 1/ с устойчивым =n, который никогда при словоизменении не исчезает. Сюда относятся слова, обозначающие людей: эмеген "старуха", кейкен "девушка"; или названия качества, признака предметов: улахан "красный", ёёйкен "маленький"; 2/ с неустойчивым =n. Это названия животных, растений, некоторых предметов и явлений природы: гони(n) "овца"; моди(n) "дерево", салки(n) "ветер", ёйлаха "камень" (И.Лувсанвандан, 1961, с.5-20).

Однако неустойчивый характер конечного =n в именительном падеже стал проявляться преимущественно в современном монгольском языке. В ранних и классических текстах этот падеж,

как и в прочих монгольских языках и диалектах, совпадает с первой, полной основой: моди иγубасу... (С1., 1362, с.68) "когда дерево растёт...".

Родительный падеж. В доклассическом и классическом он представлен одними и теми же формантами, которых несколько: после основ на =n употреблялся и /ü : моди=n павüin (ТД, 23, F 4v) "листья деревьев", после всех прочих согласных: =ин/=üin : иγүф=ин иγүф (С1., 1338, с.56) "потомок потомков"; после гласных следовал формант =yin : еке=yin мину йобаузан аёи (АТ1, с. 145) "забота моей матушки".

Орфографически это однако не всегда строго соблюдалось и после основ на согласные нередко ставился формант =yin : гег=yin (АТ1, с.72) вм. гег=üin "юрты", а после основ на гласные вместо =yin употреблялся =и/=ii : нидүг=а=и (АТ1, с.155) вм. нидүг=а=yin "кулака".

Имена, оканчивающиеся на =n, в доклассических текстах вместо =и/=ü часто имели формантом =ни, т.е. в падежном показателе как бы повторялся конечный основы: гал=ни (Ск.ск. § 105) "хана". Это относится и к другим падежам, когда их форманты присоединялись к именам на =n. Чаще всего это наблюдается в тексте "Сокровенного сказания" и связано, вероятно, с влиянием разговорной речи, когда конечный =n имени существительного произносился слитно с падежным формантом, начинающимся с гласного, образуя единое звуковое поле. Отсюда возникли две формы: гал=и и гал=ни, моди=и и моди=ни.

Имена с неустойчивым конечным $=a$ в родительном падеже сохраняют его как в ранних текстах, так и сейчас.

Кроме того в доклассических и классических текстах имена в родительном падеже имели иногда показателем $=i$, который совпадал с формантом винительного падежа, например: $modun=i$ (вм. $modun=u$) $gesigüd$ [ТД, 45, ф. 35] "ветки деревьев"; $tergen=i$ (вм. $tergen=ü$) $üügür=e$ [АТН, с. 44] "об ось телеги". Аналогичное употребление показателя $=i$ отмечено Ц.Б.Цыдендамбаевым в рукописных хрониках добайкальских (или западных) бурят, где "имена с конечным согласным принимают в родительном падеже большей частью аффикс $=i$ " [Ц.Цыдендамбаев,

1972, с. 345]. Употребление $=i$ в родительном падеже связано, несомненно, с винительным падежом (о чем ниже).

Родительный падеж отличается большим разнообразием своих синтаксических значений; это почти единственный из всех падежей, осуществляющий широкую грамматическую связь между именами и выступающий в функции разных определений. Этим падежом управляет и большинство послелогов (0-1, с. 18-20, 57; 0-2, с. 28-32).

Винительный падеж. Показателями этого падежа служат $=i$ после основ на согласные и $=yi$ после гласных, где $=y=$ является интервокальным согласным: $bi i taz=un bi i gi$ [Сл., 1338, с. 54] "Текст (написание) стелы"; $bulγan daγu=yi$ [АТН, с. 48] "Соболью доху". Однако и здесь строгой последовательности в употреблении $=yi$ и $=i$ в зависимости от конечного основы не наблюдается: после основы на гласный могло быть $=i$: $törü=i$ [АТН, с. 147] вм. $törü=yi$ "власть", "государство" и $=yi$ после основ на согласные: $šerig=yi$ [АТН, с. III] вм. $šerig=i$ "солдат".

За исключением сложных предложений, где винительным падежом может быть оформлен субъект действия в так называемых причастных и деепричастных оборотах, это - падеж прямого дополнения.

В литературе уже отмечалось отсутствие закономерности в оформлении показателем винительного падежа прямого дополнения. Это наблюдается и в самых ранних текстах.

Третья часть собранного нами по этому падежу материала представляет собой примеры на прямое дополнение без показателя винительного падежа. Так называемая категория "определенности-неопределенности" также не вносит полной ясности, так как в собранном материале половина примеров с неоформленным прямым дополнением представляют собой примеры со значением принадлежност-

ти определенному лицу и с указательным местоимением еще "этот", что считается условием определенности предмета, а следовательно, и оформления его показателем винительного падежа. С другой стороны, предмет неопределенный мог иметь падежное оформление. Ср. примеры: *šeiŋen šila'un=i šewülün* (=šewürün) *še'ül usun=i nutuluŋ abai* *Je* (Ск.ск. § 209) "Светлый камень вдребезги разбивая, ключевую воду расплескивая, идете вы" и *šeiŋen šila-uŋ dovtuŋu öksü* (Ск.ск. § 147) "Светлый камень вдребезги разобью". Но *Belgütei=yin müri mütgü šabšiba* (Ск.ск. § 136) "А также разрубил плечо Белгутаёя".

В монголоведении уже высказывалось предположение о генетической связи винительного и родительного падежей, доказательством чему служит и отмеченное выше употребление форманта i для родительного падежа. Показатели винительного и родительного падежей являются фонетической модификацией одной формы $*=in > *in_i$, которую можно сопоставить с личным местоимением 3-го л. ед. ч. в дагурском *in* "он", *in_i* род. п. (Бертагаев, 1964, с. 42), единственном из монгольских языков, в котором сохранилась вся падежная парадигма этого древнего местоимения (Тоцаева, 1986, с. 53).

В грамматическом сочинении XIII в. *Jirüken=i toltayin tayilburi*, являющемся комментарием к более древнему несохранившемуся аналогичному сочинению XIV в. винительный падеж не упоминается (Т.Нагва, 1957, с. 15). В связи с чем ^{одного} предположить, что уже тогда грамматисты заметили употребление форманта для двух падежей, считали их общими по происхождению и поэтому специально винительный падеж не выделяли. К тому же этот падеж нередко совпадал по форме с именительным, не имеющим специального показателя. Генетическая связь винительного и родительного падежей подтверждается данными и по другим монгольским языкам. В баоаньском, дунсянском, монгорском, дагурском, языке желтых уйгуров, в некоторых говорах бурятского языка эти два падежа имеют один и тот же показатель.

Совмещение формантов винительного и родительного падежей распространено и в тюркских языках (Савортия, 1948, с. 93), а показатель винительного падежа возводится к местоимению со значением 3-го л. (Кузнецов, 1994, с. 226).

Не случайным является и тот факт, что наименования деятелей в причастных и деепричастных оборотах могут оформляться как

винительным, так и родительным падежами.

Непоследовательность в употреблении показателей винительного и родительного падежей является, по-видимому, следствием более позднего расчленения их (формантов).

Как известно, наличие в монгольских языках относительно строгого порядка слов в предложении: "определение всегда предшествует определяемому" дает возможность строить определительные сочетания простым соположением имен: *keremün degel* "беличья шуба" ["белка-шуба"]. Вероятно, в далеком прошлом и объектные отношения тоже выражались постановкой неоформленного прямого дополнения перед глаголом-сказуемым, как и сейчас еще в сочетаниях типа *ger barıqu* "строить юрту", *idegen idekü* "есть пищу [питаться]", *usun abqu* "приносить воду" и т.п.

Необходимость же обозначить объект (формально возникла тогда, когда он стал занимать дистантное положение по отношению к своему глаголу. Так появился падежный показатель, употреблявшийся сначала только по мере необходимости во избежание смешения субъекта и объекта, а затем и тогда, когда объектная и субъектная функции слова не вызвали сомнения. Этим и вызвано отсутствие закономерности в употреблении винительного падежа, особенно в языке ранних текстов.

Первоначально это был показатель для двух падежных значений: винительного и родительного, сохранившийся до сих пор в большинстве монгольских языков. В монгольском же произошло его расчленение на два самостоятельных показателя. Но какое-то время они еще четко не разграничивались и заменяли друг друга, о чем свидетельствуют факты не только доклассического, но и классического языка. Отметим, что тогда примеров с неоформленным винительным было значительно больше, чем в современном языке.

Возвращаясь к генезису этих двух падежей, правомерно предположить, что в древнем протомонгольском языке... отсутствовала падежная система, а все современные падежные значения передавались основой имен, о чем свидетельствуют и факты, когда значения многих падежей, особенно родительного и винительного, передаются "чистой основой, лишенной специальных показателей" (Бертагаев, 1964, с.41-42). По-видимому, формы родительного и винительного падежей относятся к наиболее древним, в основе которых лежат лично-указательное местоимение *in "он", "это" и его разновидности притяжательно-указательное *ınu* - показа-

тель принадлежности 3-го лица. А все многочисленные алломорфы этих двух падежей в современных языках представляют собой дальнейшие фонетические видоизменения, возникшие в результате ассимиляции, чередования и выпадения отдельных звуков (Вертагаев, 1964, с.44).

Первоначальное же совмещение разных значений объекта и possessiva, вероятно, можно объяснить тем, что родительным падежом в древности принадлежность выражалась без какого-либо оттенка объектности, а винительным - принадлежность с оттенком объектной предметности, которая в отдельных монгольских языках (халхаском, бурятском, калмыцком) вытеснила в нем значение принадлежности, и винительный падеж в них окончательно обособился от родительного.

Что касается именных основ на неустойчивый конечный =n, то показатель винительного падежа уже в самых ранних текстах присоединился как к полным (с=n), так и к усеченным (без =n) основам, т.е. этот "неустойчивый характер" стал проявляться прежде всего в именах, выполняющих функцию прямого дополнения: *bi mo-
rin unu'at...* (Ск.ск.§ 145) "я оседлав коня..."; *niken mo-
ri uba* (Ск.ск.§ 99) "оседлал коня".

Местный падеж. По мнению многих алтаистов, местный падеж присущ только древнемонгольскому языку и уже на очень раннем этапе он стал архаичным, сохранившись в классическом лишь в некоторых словах и послелогах типа *ᠲᠠᠵᠠᠭ=а* "на земле", *ᠵᠠᠮᠤᠨ=а* "между" (Еобровников, 1849, с.95-96; Рамstedt, 1957, с.39). Более того, считается даже, что в монгольских языках он может быть выделен лишь как омертвелый (формальный элемент, не имеющий никакого отношения к падежной парадигме (Шербак, 1968, с. 114).

Однако анализ как самых ранних, так и классических текстов свидетельствует о несостоятельности подобных предположений, так как представлен был этот падеж довольно широко и употреблялся в самых различных значениях.

Показателем этого падежа служит гласный =a/=e, которому в ряде тюркских языков соответствует =ga.

Предполагалось также, что наращивается этот показатель на основу только с конечными согласными =r и =n и поэтому был свойствен ограниченной части лексики (Санжеев, 1953, с.168). Однако наши материалы свидетельствуют, что этот падеж-

ный фoрмант присоединялся к широкому кругу основ на согласные и гласный дигтонга. Это основы на: =a: $\text{boljad}=\text{a}$ "князьям"; =f: $\text{Deligün bolda}=\text{a}$ (в урочище) Делигун Болдоге"; =l: $\text{Jil}=\text{e}$ "в год"; =n: $\text{qala}=\text{a}$ "в жару"; =r: $\text{qoyar}=\text{a}$ "двойм"; =s: $\text{ulus}=\text{a}$ "в стране"; =i: $\text{mo}=\text{ai}=\text{a}$ "змея".

Нами выявлено до десяти значений этого падежа, которые почти полностью совпадают со значениями дательного-местного падежа на =dur/=tur и =du/=tu. Казалось бы, что есть основания считать, что мы имеем дело с особым показателем одного и того же дательного-местного падежа, который впоследствии исчез из языка, передав свои функции другим его показателям.

Однако факты современного монгольского языка свидетельствуют, что падеж на =a/=e не исчезал из языка совсем, а лишь сузил свое значение только до локативного. Этот падеж употребляется довольно часто, присоединяется к основам на =н и выражает в основном местное значение, почему мы и оставляем за ним название "местный": манай тайзнаа "на нашей сцене", ширээнээ байх "находиться на столе" (0-2, с.32-37).

Дательный-местный падеж. В памятниках монгольской письменности XIII-XIV вв., этот падеж представлен только двумя фoрмантами =dur/=tur и =da/=ta. Что же касается трех вариантов в классическом (=dur, =du, =da) и общности их происхождения, то мнения среди исследователей расходятся. Какой из этих вариантов был изначальным? Если признать, что это был =dur/=tur (а в наших текстах он употребляется чаще других, причем =du/=tu в ранних текстах, в том числе и в "Сокровенной сказании" отсутствовал), то возникает вопрос, является ли вариант без =r, т.е. =du/=tu, следствием выпадения последнего в =dur/=tur или они существовали параллельно, как полагал Ал.Бобровников. Отметим, что и в языке АТ =du/=tu встречается значительно реже, но тот и другой употреблялись в одних и тех же значениях и в одних и тех же словах: ежен=dür и ежен=dü "господину", qaγan=dur и qaγan=du "хану".

Учитывая отсутствие =du/=tu в ранних текстах, логично предположить, что это усеченная фoрма =dur/=tur, появившаяся в письменном языке, скорее всего, из разговорной речи.

Но каким образом из =dur/=tur возник =da/=ta, который, судя по употреблению его в ранних текстах, также относится к древним образованиям? Г.Д.Санжеев склонен был считать, что глас-

нке а ~ е, и ~ ю являются "местными вариантами одной и той же фонемы, которая произносилась различно в разное время" (Санжеев, 1953, с.167), т.е. что =da/=tai =du/=tu - это поздние варианты =dur/=tur. Но в ранних доклассических текстах =dur/=tur и =da/=ta употреблялись параллельно, тогда как =du/=tu отсутствовал.

Мы полагаем, что =da/=ta появился в монгольском языке параллельно с =dur/=tur и является результатом заимствования из древнетюркских языков, в которых существовал полифункциональный местно-исходный падеж на =da/=de (З.И.Насипов, 1955, с.104-110; Тенишев, 1970, с.25-26). С этим, видимо, связано и наличие в доклассическом и классическом языке двойной дательного-местно-исходной формы от =da/=ta: (=dača/=tača) и невозможность образования ее от =dur/=tur или =du/=tu. Отметим, что в отличие от двух других формантов =da/=ta практически не присоединялся к причастным формам.

В наших текстах дательного-местный падеж обозначал прежде всего место, направление, время, причину действия, а также адресата и реального исполнителя действия при страдательном и побудительном залогах.

Орудный падеж. Формантами этого падежа служат =bar, =yar - после основ с конечным гласным и =iyar - после основ на согласные. В древних текстах наряду с =iyar употреблялся и =iyar: ичу¹iyar (МНДБ, с.22). Ср. в класс.монг. ичу¹iyar "родственным".

Происхождение их объясняется по-разному. Г.И.Рамstedт находил в них своеобразное развитие монгольского слова *дёр* "след", "путь" (Рамstedт, 1957, с.54). Т.А.Бертагаев полагал, что эти показатели восходят к корням таких слов, как бар= "держеть" и гар "рука" (бар=/гар), значение которых осмысливается деривативно, как орудие действия (Бертагаев, 1964, с.45). Нам представляется, что ближе к истине точка зрения Г.Д.Санжеева, который раскладывает этот показатель на два элемента: =га, к которому восходит показатель местного падежа, и =р, входящий в состав слов типа деге=р=е "наверху", т.е. архетипом этого падежного окончания были =гар=гэр < =гар ~ =гэр ~ =бар ~ =бар ~ =гар ~ =жер (Санжеев, 1953, с.172).

Отметим, что показатель местного падежа =а/=э < =ya/=ze в современном языке представлен долгими гласными \bar{a}/\bar{e} . Современ-

енный орудный также содержит в своем составе долгий гласный (=aar/=ээр, =oor/=өөр). Показатели орудного падежа в других онгольских языках, в частности, в боэаньском галэ и дунсянском =дала, думается, подтверждают именно такое происхождение орманта орудного падежа, ибо =далэ и =гала также разложимы а две морфемы: =да и =ла/=лэ. Учитывая известное в монгольских языках чередование $l \sim r$ их можно возвести к суффиксам письменного монгольского языка =*yar/=*ger и =*yar/=*gar. Если к ому же учесть, что орудный падеж в монгольских языках имеет и окативное значение, то вполне возможно, что его первый элемент осходит к древнему локативу на =a/=e < =fa/=ge.

Орудным падежом передавался широкий круг значений. Прежде сего это лицо или предмет как средство или орудие для совершения действия, материал, из которого что-л. состоит или производится, лицо или предмет, вместе с которыми совершается действие, ахождение или передвижение предмета в пространстве, период, трезок времени, в течение которого совершается действие, предмет как объект, причина и цель действия, а также субъект или еальный исполнитель действия при побудительном залоге (С-2, с. I-45).

Исходный падеж. Первоначальным формантом этого падежа был ба/=бе, что и зафиксировано в ранних текстах. Но уже и в этих текстах употреблялась и другая его форма =аба/=ебе, представляющая собой сочетание местного падежа на =a/=e и =ба/=бе. Употребление формы местного падежа перед исходной связано, видимо, тем действием, которое начинается с какого-то места. Ср., например, сохранившуюся до наших времен двойную падежную форму в овременном языке: гэртээс "из дома", "из юрты", т.е. выходит ттуда, где находился. Форма на =ба уже в древности вписалась ормами на =аба и =аба. Так, например, в "Сокровенном сказании" з более чем трехсот случаев употребления исходного падежа только есть раз представлена форма на =ба, а в ИС использовалась только =аба и =аба. В ранних текстах употреблялась также форма на =паба, присоединяемая к основам на =п и =уаба - к основам на гласный.

Основным значением этого падежа является исходный момент, пункт или место отправления, лицо или место, откуда или у которого что-л. изымается, лицо, как источник какого-л. действия, целое, от которого берется часть згов сравнительных конструкции

ях - лицо или предмет, с которым что-л. сравнивается, действующее лицо, субъект, от которого исходит действие. Двойной дательно-местный исходный на =daḥa/=daḥe передавал те же самые основные значения (С-2, с.45-48).

Соединительный падеж. Его формантами являются =luḥa/ =lüge /В "Сокровенном сказании" - =lu'a/=lü'e), которые считаются составными, состоящими из =lu/=lü, встречающегося в тюркских языках и =ḡa/=ge - показателя местного падежа (Рамstedт, 1957, с.47; Санжеев, 1953, с.174). Основное его значение комитативное: он обозначал лицо или предмет, вместе с которым осуществляется действие, реже - предмет, как чья-л. принадлежность; в сочетании с формой будущего причастия указывал на время действия; в единичных случаях передавалось локальное значение. В отличие от других падежей соединительный падеж существовал только в письменных доклассических и классических текстах, а также в ордоском, ойратском и некоторых других диалектах, но отсутствовал в халхаском и бурятских диалектах, за исключением бурятских исторических хроник, в которых он определен как книжный показатель (Цэндэндамбаев, 1972, с.352).

Совместный падеж. Его показателями служат =tai и =tu. Г.И. Рамstedт отождествлял формы на =tai и =tu, считая, что =tai < =tu + адъективное =ai (Рамstedт, 1957, с.206), что и дало впоследствии возможность широкого употребления имен на =tai в определительной функции. (В современном монгольском языке =tai превратился в омонимичный падежному продуктивный суффикс образования имен прилагательных). Видимо, этот падеж возник позже других падежей. Во всяком случае в грамматическом сочинении, относящемуся к XIV в., судя по более поздним комментариям к нему, этот падеж в системе падежей не значился (Т.Пагва, 1957, с.15, 46).

По сравнению с другими падежами совместный падеж в анализируемых нами текстах употреблялся значительно реже. Само название указывает на его главное значение совместности действия, но это значение как в доклассических, так и в классических текстах, передавалось другим - соединительным падежом, а совместный чаще встречался в определительном значении.

Предельный падеж. Этот падеж известен в ойратском, ордоском и некоторых бурятских диалектах и образуется от незначительного количества основ, лексическое значение которых позволяет обозначать высоту или размер, посредством суффикса =ḡaḡa/

=ёеge. В наших текстах встречается в единичных случаях: tegüber külin ёёige eke=düriyen ёiqułalaqu kemebesü ebüdüсёеge nilq=a ёёükен=ёе boluуи (ИС, 18а) "Если человек относится с почтением к своим родителям, то это бывает с самого детства, когда (ребенок) достает еще только до их колен".

Двойные падежные формы. О двойных падежных формах в монгольских языках существуют разные точки зрения: одни признают их наличие (Бобровников, Санкеев, Тодаева), другие считают, что первый из двух падежных формантов выполняет словообразовательную функцию и поэтому не является падежной формой (Ш.Мувсанвандан, Касьяненко).

Однако языковые факты, особенно ранних памятников монгольской письменности, свидетельствуют, что первый из двух падежных показателей не превращается в словообразовательную морфему, а сохраняет свое падежное значение, а следовательно подтверждается существование двойных падежных форм (0-10, с.363-372; 0-2, с.50-55).

Самой распространенной в доклассических и классических текстах была двойная дательно-местно-исходная падежная форма на =daa/=deёe, которая в современных языках сохранилась практически в единственной словоформе: калх. гэртээс, бур. гэртээс, калм. гертас, дунс. гідэсэ "из крты", "из дома". Эта двойная падежная форма имеет, как и простой исходный падеж, основное аблативное значение, указывая на место (реже лицо), откуда (или от кого) начинается, исходит действие. Но первый компонент этой двойной формы =da/=ta в монгольских языках имеет локативное значение, он употреблялся наряду с другими формантами дательно-местного падежа на =dur/=tur (позже и =du/=tu), и не содержал в себе аблативного значения.

Однако в древнетюркских языках имелся полифункциональный местно-исходный падеж на =da/=de. Отражением полифункционального значения этого падежа в памятниках рунической письменности является употребление его в качестве исходного в языке некоторых средневековых тюркских памятников (Тенишев, 1970, с.25-26; Насилов В.М., 1955, 104-110). Локативное и аблативное понятия выражались одной падежной формой, а конкретное значение выявлялось в контексте (Насилов В.М., 1960, с.29).

Мы полагаем, что и в монгольских языках в древности падежный показатель =da/=ta (заимствованный из тюркских) был по-

ли функциональным и поэтому для передачи чисто аблативного значения требовал уточнения путем присоединения показателя исходного падежа. А за показателем =da/=ta со временем сохранилось только локативное значение. Процесс этот происходил постепенно и поэтому в письменных памятниках длительное время использовались две формы: двойная - дательно-местно-исходная и простая исходная для передачи одних и тех же значений.

Другой двойной формой было сочетание совместного и винительного падежей. В качестве примеров того, что первый из падежных формантов не является словобразовательным можно привести следующие предложения: Sigüsidei ong=yi... arbal nökürtei= =yi alaba (АП, с.144-145) "Убил Шигушидэй онга... вместе с детьми товарищами"; ...degüner kegüked=tei=yi... alaba (АП, с.156) "Убил... младших братьев с детьми". В этих предложениях слова: nökür : "друг, товарищ" и kegüked "дети" оформлены двумя падежными показателями: совместного - =tei и винительного - =yi. Очевидно, что как в одной, так и в другой словоформе совместный падеж nökürtei "с товарищами", kegüked=tei "с детьми" не являются прилагательными ни по своему вещественному значению, ни по той функции, которую они выполняют в предложении. Они имеют лишь одно вещественное значение имен существительных.

В таких случаях в одной словоформе содержится два синтаксических значения, а само имя-дополнение обладает двусторонними связями. Показатель винительного падежа служит признаком того, что данная словоформа является прямым дополнением, объектом действия, выраженного глагольным сказуемым. Совместный же падеж обозначает, что данное дополнение является в то же время лицом или предметом, совместно с которыми другое лицо (предмет) подвергается тому же действию.

Однако нельзя отрицать и того факта, что в монгольских языках, в том числе и в доклассических и классических текстах, изменение имен по падежам имеет не только формально-грамматическое, но и лексико-грамматическое значение. Это особенно проявляется тогда, когда падежный формант, присоединяясь к именам, обозначающим признак, субстантивирует их: sayin "хороший" - sayinai "нечто хорошее". А в некоторых падежах "лексичность" может преобладать над грамматичностью. Это относится прежде всего к совместному и родительному падежам. Первый из них исто-

рически обозначал обладание чем-либо и, употребляясь в определенной функции, оказывался по своей семантике близким к относительным прилагательным: *Yisüi neretei ökin* (Ск.ск. § 156) "девушка по имени Исуй". Второй выражает притяжательность. На его базе посредством суффикса (=q)ai/(=k)ei образуются притяжательные имена: *bi Temuġin-ü'ei* (Ск.ск. § 100) "Я Темуджиновская (т.е. принадлежу семье Темуджина)". Ср. в современном монгольском: багш "учитель" - багшийн "принадлежащий учителю" - багшийнхан "семья учителя".

Имена прилагательные в наших текстах представлены качественными и относительными. Качественные прилагательные обозначают цвет и ряд других качеств, в отличие от относительных могут иметь показатели степеней качества и формы интенсива: *sira* "желтый", *qaraqūi* "темный" - *qab qaraqūi* "совершенно темный". Относительные образуются от именных и глагольных основ посредством суффиксов. Наиболее известными с древних времен являются: =*du*/*=tu*: *doronadu* "восточный", =*tai*/*=tei* : *ġöbtei* "благосклонный", =*liġ*/*=lig*: *tuġerlig* "божественный"; =*ġu*: *ġaġiġu* "неверный, вероломный"; =*maġai*/*=laġai*: *daġmaġai* "привычный"; =*daġu*: *taġimdaġu* "почитающий"; =*asar*: *uqasar* "непонятливый", последний характерен тем, что в древних текстах, в частности в "Сокровенном сказании" имел отрицательное значение, измененное в классическом на положительное, в связи с чем для передачи отрицательного значения стало употребляться отрицание *ügei* "не": *uqasar ügei*, в халх. *ухамсаргүй* "недогадливый, несообразительный".

Местоимения. Из личных местоимений: *bi* "я", *ġi* "ты", **i* "он", "она", "оно", *ba* и *bidan* [bide(n)] "мы" отметим прежде всего два местоимения I-го л. мнч. *ba* и *bidan* "мы". Как известно, местоимение *ba* в современных языках, за исключением дагурского, отсутствует. Однако оно употреблялось (и довольно часто) в доклассическом языке: *Edüge ba oöü...* [ТД, ЗВ, F 27r] "Сейчас мы отправимся..."; *ba... üiles-i... üġuleged...* [Сл., 1335, с. 77] "Мы рассказали о делах". Причем уже к концу XIV в. это местоимение стало вытесняться формой *bidan*. В классическом языке "ba" уже не употреблялось.

По монгольским местоимениям существует обширная литература, выявляющая как сходные, так и диаметрально противоположные точки зрения о происхождении этих двух форм. Одни считают, что *ba* < *bi* в результате чередования гласных в семантических це-

лях [Санжеев, 1953, с.150], другие доказывают, что $ba < *ba\alpha < *\beta a\alpha$ в результате известной всем алтайским языкам диссимилляции согласных $\alpha > \beta$ [Рамстедт, 1957, с.71, Д.Темертгоо, 1990, с.11]. Нам предпочтительнее кажется $ba < \beta i$. В древнем языке существовало местоимение 3 л.ед.ч. $*i$ и для мн.ч. $*a$. По такому же принципу могло образоваться и ед. и мн.ч. местоимения I-го л. βi и βa .

Что касается $\beta id\alpha\alpha \sim \beta ide(n) < \beta i + d\alpha\alpha$, то вопрос о его структуре, точнее - о происхождении его второго составного элемента остается не выясненным. Если его рассматривать как состоящее из βi "я" + $ta > da$ "вы" [Цыдендамбаев, 1951, с.12], то надо иметь в виду, что в древности все падежные формы образовывались не от $\beta ida \sim \beta ide$, а от $\beta id\alpha\alpha$, т.е. $\beta i + d\alpha\alpha$. Остается предположить, что $=d\alpha\alpha$ - это морфема, выражающая множественность. Но при этом нельзя не упомянуть и справедливое замечание Ц.Б.Цыдендамбаева, по поводу того, что $=da$ - регулярное окончание мн.ч., а именно, что "многочисного я" не бывает на свете. "Много я, много ты - эти понятия, как писал акад.В.В.Виноградов, - не могут быть выражены грамматическими средствами" [Цыдендамбаев, 1951, с.12]. Так что сомнения по поводу составных элементов этого местоимения пока остаются.

Интерес представляет и местоимение 3-го л. Среди современных монгольских языков и их диалектов только дагурский язык (его бутхаский и цикакарский говоры) сохраняет полную парадигму его склонения [Тодаева, 1960, с.60-61; 1986, с.53; Дарбеева, 1970, с.113-117]. В классическом и современном языке сохранились только рудименты этого местоимения в форме родительного падежа $i\alpha u$ и αu . Что же касается текстов XIII-XIV вв., то там это местоимение представлено почти всеми его падежными формами, а именно: вин.п. - $i\beta a\alpha i$; дат.-местн.п. - $i\beta a\alpha d\alpha r / i\beta a\alpha d\alpha$; орудн.п. - $i\beta a\alpha' a\alpha$; соед.п. - $i\beta a\alpha i\alpha = a$; дат.-местно-исх.п. - $i\beta a\alpha \beta a$.

Формы родительного падежа этого местоимения $i\alpha u$, αu в доклассических текстах употреблялись в препозиции, т.е. как любое другое личное местоимение: αu $\alpha r\alpha d\alpha d\alpha t\alpha r\alpha$ [С1., 1338, с.54] "в их дворце"; αu $\beta a\lambda a\gamma a\beta u\alpha n$ [С1., 1338, с.54] "их город". Но в то же время они употреблялись уже и постпозитивно в качестве притяжательных частиц.

В классическом же языке $i\alpha u$, αu (реже $-ni$) используются только как графические варианты одной и той же местоименной при-

тяжелой частицы 3-го л. со значением "ее", "его", "их". При этом употребление *inu* или *anu* не зависело ни от числа, ни от сингармонического ряда предшествующего слова, и как любая другая частица они всегда стоят в постпозиции к тому или иному слову в предложении.

Таблица личных местоимений
в доклассическом языке

па де жи	bi "Я"	či "ты"	МЕСТОИМЕНИЯ				ta "ВЫ"	* ^a "ОНИ"
			*i "ОН"	ba "МЫ"	bida "МЫ"	bidan		
род. л.	<i>minu</i>	<i>činu</i>	<i>inu</i>	<i>manu</i>	<i>bidan=u</i>	<i>tanai</i>	<i>anu</i>	
	<i>mini</i>	<i>čini</i>	<i>ini</i>			<i>tanu</i>		
род. в. в. в.	<i>namayi</i>	<i>čimayi</i>	<i>imayi</i>	<i>man=i</i>	<i>bidan=i</i>	<i>tan=i</i>	<i>ani</i>	
	<i>nama</i>			<i>mani</i>				
дат.-мес. мест. п.	<i>nada</i>	<i>čimada</i>	<i>imada</i>	<i>man=dur</i>	<i>bidan=dur</i>		<i>andur</i>	
	<i>nadur</i>	<i>čimadur</i>	<i>imadur</i>	<i>man=tur</i>	<i>bidan=tur</i>			
исх. п.	<i>nadača</i>	<i>čimača</i>	<i>imadača</i>	<i>manača</i>	<i>bidan=ača</i>	<i>tanača</i>		
		<i>čimadača</i>		<i>man=ača</i>				
союз. п.	<i>nama'ar</i>		<i>ima'ar</i>	<i>mana'ar</i>				
соед. п.	<i>nama=luà</i>	<i>čima=luà</i>	<i>imaluɣ=a</i>	<i>man=luà</i>	<i>bidan=luà</i>	<i>tan=luà</i>		
	<i>nama=luɣa</i>	<i>čima=luɣa</i>						

Таблица личных местоимений в языке "Алтан тобчи"

па де жи	bi "Я"	či "ты"	МЕСТОИМЕНИЯ				ta "ВЫ"	* ^a "ОНИ"
			*i "ОН"	ba "МЫ"	bida "МЫ"	bidan		
род. л.	<i>minu</i>	<i>činu</i>	<i>inu</i>	<i>man=u</i>	<i>bidan=u</i>	<i>tan=u</i>	<i>anu</i>	
	<i>mini</i>	<i>čini</i>						
род. в. в. в.	<i>namayi</i>	<i>čimayi</i>		<i>man=i</i>	<i>bidan=i</i>	<i>tan=i</i>		
				<i>mani</i>				
дат.-мес. мест. п.	<i>nada</i>	<i>čimada</i>		<i>man=dur</i>	<i>bidan=dur</i>	<i>tan=dur</i>		
	<i>nada=dur</i>	<i>čimada</i>		<i>man=dur</i>	<i>bidan=dur</i>			
исх. п.	<i>nadača</i>	<i>čimača</i>			<i>bidan=ača</i>			
союз. п.	<i>nada=luɣ=a</i>				<i>bidan=luɣ=a</i>			
союз. п.	<i>nadaluf=a</i>							

О других разрядах местоимений см./С-2, с.69-73/.

Числительные в доклассических текстах и в АТ представлены следующими разрядами: количественные первого десятка:

1 - niken ~nigen	6 - jirqo'an ~jirwa'an, jirjuγan
2 - qoyar, jirin	7 - dolo'an doloγan
3 - qurban ~γurban	8 - naiman
4 - dörben	9 - yisün
5 - tabun	10 - harban ~arban

Среди них обращает на себя внимание чередование глухих и звонких заднеязычных в числительных: niken (Ск.ск. § 5 и др.) и nigen (Сл., 1362); qurban (Ск.ск. § 17) и γurban (НС, 7а, 10в и др.), а также присутствие форм с полным стяжением в числительных: jirqo'an (Ск.ск. § 133), jirwa'an (Ск.ск. §§ 175, 191, 193); jirjuγan (Сл., 1362, с. 66), а также форм harban (Ск.ск. §§ 53, 58 и др.) и arban (НС, 23а; 24а и др., Сл., 1362, с. 65, 66), где начальный h был обычным в памятниках XIII в.

Кроме того в тексте "Сокровенного сказания" употреблялось архаичное числительное jirin "два", относящееся при этом к именам женского пола: jirin ökid'ü'en (§ 208) "две свои дочери". Из семнадцати случаев его использования только в одном оно не относилось к женскому полу: ede jirin kes'üt (§ 278) "эти две смены".

Как известно, в монгольских языках роль соединительного союза "и" выполняло и выполняет числительное qoyar "два". В аналогичной функции употреблялось и jirin: Yisui qadun Yisügen qadun jirin-ü amlada za'uju. (Ск.ск. § 156) "[Он] сидел между иисуй-хатун и иисуген-хатун".

Десятки представлены следующими словами: harban ~ arban "десять", qorin "двадцать", qöbin ~ yübin "тридцать", dösin "сорок", tabin "пятьдесят", jiran "шестьдесят", dalan "семьдесят", науан "восемьдесят", yeren "девяносто". Сотни обозначены как ja'un, jawun, jaγun "сто"; тысячи: mingal, mingγan, mingan; десять тысяч - tümen.

Количественные числительные свыше десятков и сотен, сложные. Они образуются сочетанием соответствующих названий десятков или сотен с необходимой единицей: harban nigen (arban nigen) "одиннадцать"; qorin qoyar "двадцать два" и т.д.

Порядковые числительные в отличие от классического и современного языка, где они образуются посредством присоединения к соответствующим основам суффикса =duγar/=düger, в доклассических текстах представлены разными формами. Так, от числитель-

ного: qurban-*qurban* "три" кроме его порядковой формы *qurban-
du¹ar* употреблялись и формы: *qutu'ar ~ quta'ar, qutu¹ar, qudu¹ar
quta¹ar*. От *dörben* "четыре" были формы: *dörbedüger, dötü'er,
dötüger*. От *tabun* "пять" кроме *tabdu¹ar* употреблялись *tabtu-
¹ar, tabtu'ar*. От *şirqu¹an* "шесть" - *şirqudu¹ar, şirqu¹adu¹ar,
şirqoduar*. От *dolu¹an* "семь" - *doludu¹ar, dolo'du'ar*. Для ос-
тавных числительных употреблялись общезвестные формы: *nainadu-
¹ar* "восьмой", *yesüdüger* "девятый", *arbadu¹ar* "десятый".

Собирательные числительные образовывались от единиц перво-
го десятка посредством суффикса *-ula/=qula/=qüle*. В докласси-
ческих текстах отмечены следующие формы: *qoya'ula* (Ск.ск. § 244)
"вдвоем"; *qurba'ula* (Ск.ск. § 54) "втроем"; *dörbe'üle* (Ск.ск. §
23) "вчетвером"; *tabu¹ula* (Ск.ск. § 19) "впятером"; В тексте
"Алтан тобчи", кроме вышеперчисленных форм имеется еще *yisüdü-
le* (АТН, с.150) "вдевятиером".

Разделительные числительные. Суффиксом для них служит *'at/
=¹ad/=ged*: *qori'at* (Ск.ск. § 280), *qori¹ad* (АТН, с.183)
"по двадцать"; *arba¹ad* (АТН, с.138) "по десять". От *ni¹gen* "один"
в "Сокровенном сказании" порядковой формой была *ni¹je'el* (§ 19) в
АТ *ni¹jeged* (АТ, с.11) "по одному".

Глагольные формы

Повелительно-желательные формы в отличие от изъявительных,
у которых представлены все временные рамки, обозначают дейст-
вие, либо реализуемое в момент речи: *uagiy=a=ban ürgü¹şilegü¹*
"продолжай свой рассказ", либо то, которое должно начаться после
момента речи: *aq=a degü barilda* "станьте побратимами". Все
эти формы предусматривают разные способы в достижении цели. Они
выражают более или менее категорическое приказание, просьбу,
пожелание, обращение к какому-либо лицу, а также намерение са-
мого лица (лицу) совершить действие. Повелительно-желательные
формы являются единичными глагольными формами и синтаксически
функционируют как сказуемые законченного предложения. Общим для
них является то, что они имеют одну и ту же препозиционную за-
претительную частицу, которая ставится перед соответствующей
формой, когда надо выразить запрещение. В доклассических тек-
стах и в языке АТ такой частицей служит *bu(u)* "не".

Большинство повелительно-желательных форм соотносится с
определенным лицом. Доклассические повелительно-желательные

формы за небольшим исключением (о чем ниже) представлены и в классических текстах.

Повелительная форма 2-го л.ед. и мн.ч. (imperativus) всегда совпадает с основой слова и обозначает категорическое и настойчивое приказание (пожелание) совершить действие. Вопреки существующему мнению, что эта форма 2-го л.ед.ч. (Бобровников, 1849, с.130; Street, 1957, с.15) в доклассических и классических текстах она относится как и ед., так и к мн.ч. 2-го л. *ger-e minü üi bol* (ТД, С4, F 60) "Ты стань моим свидетелем"; *Та köbeüked... аса degü barıldu* (С1., 1962, с.65) "Вы, сыночки, станьте побратимами" (примеры из АТ: 0-2, с.77-78).

Пропозитивная форма 1-го л. (форма на =su/=sü) обозначает намерение, желание, готовность совершить действие. Употреблялась, как правило, с I-м л.ед.ч., редко - с мн.ч.: *bi* (Sima-dur) *ögüleüi özsü* (НО, 2а) "Я скажу тебе"; *qatun Börte=i üinu qarıqulju abüi iräsü bide* (АТ, с.54) "Мы вернем и отдадим тебе твою хатун-Борте".

В этом же значении употреблялась и форма на =su/ai/=sügei: *bi qaral=a negesüei* (ТД, 3I, F 16v) "Я открою ворота"; *bi ökin=ıyen özsüei* (АТ, с.30) "Я отдам свою дочь". Мы считаем, что это не особая желательная форма (Санжеев, 1963, с.108), а скорее всего исходная, в которой второй элемент =ai был какультативным, где =ai выполнял функцию эмфатического элемента. Поэтому в самых ранних текстах, в том числе и в "Сокровенном сказании" чаще употреблялась форма на =su в одном и том же значении, что и =su/ai. Ср. примеры: *qarabaısan ulus=i üinu qamtud=qaju özsüei* (АТ, 4, 722) "Раздробленное государство твоё объединю" и *qarabaısan ulus=i üinu qamtudqaju özsü* (АТ, 4, 798) "id".

Повелительно-пригласительная форма 1-го лица обоих чисел (форма на =yu/=ye) в доклассических и классических текстах обозначает намерение, желание говорящего совершить действие самому, а также обращение ко второму лицу совершить действие, в котором принимает участие и тот, от кого исходит обращение: ... *Jergeber ügüleu=e* (С1., 1962, с.62) "...расскажу по порядку"; ... *Dimisüi baıu=yu=keshеbei* (У.У.УБ, с.38) "Сказал: «Остановимся-ка в Дамаске»"; *Çinggis qarın Ong qarın qoyar qatquldıu=yu=keshеn* (АТ, с.120) "Чингис-хан и Ван хан сказали: «Сразимся-ка»".

По наблюдениям Г.Д.Санжеева, "В некоторых текстах на классическом монгольском языке волеизъявление употребляется в сочетании

с вопросительными словами, содержа в себе оттенок как бы недоумения: Алї джүг-түр одуја бї (Г.-83) "В какую бы сторону мне отправиться?" (Санжеев, 1963, с.178).

Повелительная форма 3-го л. (Форма на =tuqai/=tuγai/=tügei) обозначает приказание, просьбу или разрешение совершить действие субъекту, выраженному 3-м лицом: Ёсенбуқа=а=уї монгγол-сїлан орсїғулуғад бїсїғүлтүгеї (Сл., 1362, с.63) "Пусть Ёсенбуқа переведет на монгольский язык и напишет".

В доклассических и классических текстах эта форма употреблялась не только по отношению к 3-му л., посредством ее отдавалось приказание и 2-му лицу: Сапақ=а... морїн абсї ірежї згтүгеї (ТД, 34, F21v) "О, Чанак, ...иди и приведи коня". Кроме того ей же выражался приказ или пожелание совершить действие безотносительно к какому-л. лицу: Кебтегүл оруқун=а удағатуғай кемең жарлїғ болба (АТІ, с.152) "Издав указ: «Не запрещать (не задерживать) вступление в кебтегулы»".

Повелительная форма 2-го л.мн.ч. (Форма на =dqup/=dkün) обозначает требование или призыв совершить действие. В доклассических текстах это требование носило более категоричный характер по сравнению с классическими текстами, где это требование имеет различную степень категоричности -от требования безоговорочно совершить действие до более вежливой просьбы. Ср. ...qarıǵı buu iredkün (ТД, 58, F26v) "не возвращайтесь!"; мауї üile buu boged üiledükün (Сл., 1362, с.65) "Не совершайте плохих дел!" и ғарға Belegutei=yı minu buu tebđıdkün (АТІ, с.37) "Только Балғутай моего не лишайте жизни".

В более поздних, классических, текстах наряду с формой =dqup/=dkün стала употребляться форма на =γtup/=gtün, со временем полностью вытеснившая первую. В тексте "Сокровенного сказания" эти формы употреблялись параллельно, причем нередко в одном и том же глаголе с одинаковым значением: ke'ekdün и ke'etkün (§ 230). Любопытно, что сама эта форма, относящаяся ко 2-му л.мн.ч., в "Сокровенном сказании" употреблена во множественном числе: ...qoyar ǵala'us bui ta üǵeldüktüt моңо qoyına bu te(γ)сїлдү(γ)тüt (Ск.ск.§ 93) "...вы двое молоды, дружите и впредь не оставляйте друг друга".

Из различных точек зрения о происхождении =γtup наиболее приемлемой представляется обычная метатеза: =dqup > =dqup > =γtup (Weiers, 1967, с.127), поэтому =dqup и была впоследствии

вытеснена ее вариантом.

Пожелательная форма (форма на =ʃasaʹ/=gesei/=sai/=sei/=sa se) в памятниках XIII-XIV вв. не обнаружена. Она свойственна классическому языку, где обозначает надежду, пожелание (при обращении к любому из трех лиц) совершить действие, причем без особой надежды на его осуществление: eʃen öber=iyen medegesei (АТН, с. 95) "хорошо бы государь сам узнал"; tegün=i abasai kemen (АТН, с. 93) "хорошо бы получить ее".

Форма опасения (форма на =ʃuʃai/=guʃei/=ʹuʃai/=ʹüʃei) В доклассическом и классическом языках эта форма относится к различным лицам ед. и мн.ч. и обозначает опасение или предостережение относительно совершения нежелательного действия: ʃe-l-siyer=ün boluʃuʃai (ТД, 44, F 34v) "Как бы (это) не стало упреком (для нас)"; nöbür minu tulada ʃi erüsdөгүʃei (АТН, с. 45) "Как бы братья не перессорились из-за меня". В отличие от других повелительно-желательных форм, отрицательной частицей перед которыми служит bu/buu "не", перед этой формой употребляется üü "не", частица, которая используется перед другими глагольными формами, в том числе и перед причастными. Возможно, это связано с тем, что форма =ʃuʃai, во всяком случае ее первый элемент: =ʃu, мог быть связан по своему происхождению с суффиксом причастия будущего времени на =qu/=kü.

Изъявительные глагольные формы. В монгольских языках существует несколько временных глагольных форм, образующих прошедшее и не прошедшее (настоящее и будущее) времена. Форм, обладающих общим значением не прошедшего времени, несколько и различаются они временными и модальными оттенками в своем значении и употреблении. При этом временная локализация действия, обозначенного той или иной формой, уточняется обычно в контексте и в значительной мере зависит от наличия в предложении различных обстоятельств времени и модальных частиц.

Форма на =ʃu/=uʃ, отсутствующая в современном языке, часто употреблялась в доклассических и классических текстах. Ей присуще модальное значение достоверности, убежденности в совершении или в необходимости совершения обозначенного в глагольной основе действия. Поэтому она, как правило, употреблялась в различного рода изречениях, поучениях, наставлениях, когда совершение того или иного действия не подлежит сомнению. В этом отношении особенно характерен текст *Nziao ching*, являющийся ка-

ноном поведения человека, особенно в отношениях родителей и детей, например: *noɣeben qoyidus=a aldarsıǵuluyu* (НС, 28a) "Имя свое [непрерывно] прославят для потомков"; *Uqaǵ=a ügei maǵı künün=iyer eläi ǵarubasu ulus=iyañ ebdeyü* (АТН, с. 66) "Если направить послом неумного, плохого человека, [он] погубит свое государство".

В контексте действие, обозначенное этой формой, могло относиться и к прошедшему времени: *Erte tere ǵaǵ=tur...*
daayan=u idegen ideyü (АТН, с. 1) "В те далекие времена питались пищей созерцания".

Форма на =t. Эта форма изредка употреблялась в ранних письменных памятниках и, видимо, к XIII в. из языка исчезла. Так, в тексте АТ она уже практически не употреблялась, о чем свидетельствуют параллельные с текстом "Сокровенного сказания" места хроники: использованная в "Сокровенном сказании" форма на =t, заменилась автором другими изъявительными или причастными формами. Факт полного исчезновения этой формы из языка дал основание предположить связь ее с тюркской морфологией (Козин, 1939, с. 28-33; Котвич, 1962, с. 272-276). Однако ряд ученых (Рорре, 1955, с. 263; Weiers, 1969, с. 137-138) рассматривали =t как форму м.ч. отглагольных имен на =a, входящего в состав таких глагольных суффиксов, как =aam и =pai. Но если глагольные формы на =aam и =pai общеизвестны, то примеров на =n не отмечено. Кроме того, при всем том, что в доклассическом языке существовало согласование в числе, изъявительные глагольные формы, к которым относилась и форма на =t /из =n?/, во множественном числе не употреблялись. Поэтому незначительное количество примеров с глаголами на =t в "Сокровенном сказании", скорее всего, свидетельствует о том, что эта форма была чужда монгольской речи. А так как для обозначения не прошедшего времени (настоящего и будущего) в монгольском языке существовали другие формы, форма на =t вскоре исчезла из языка.

Форма на =n в текстах XIII-XIV вв. и в АТ обозначала действие, относящееся в зависимости от контекста, к настоящему или будущему времени. Чаще всего - это действие, совершающееся обычно, постоянно, регулярно. Могло оно относиться и к моменту речи: *tede ber ülü üǵegem* (ТД, 40, F 29v) "Они [в данный момент] не видима"; *kiliǵssen=iyer modun qaǵaram kemem* (ТД, 61, F 57r) "Деревья расщепляются при взгляде на них".

С глагольными связками прошедшего времени ажу/ажуу эта форма обозначала действие настоящего времени, соотношенное с прошлым, имея при этом оттенок неожиданности, непредвиденности случившегося: *tegin-u qoyina qayan jægüdübe... Olan çerig=tü dayısun bolju qota-ı minü dabqurlan bayım aju... qota dotura toıoriju güyüju yabun atala qarqı öölöge ülü olım aju* (АТII, с.120) "После того хану приснилось: «Появляется [неожиданно] большое вражеское войско и окружает город... Бегает он по городу, но не находит выхода, чтобы уйти»".

Со связкой bölüge форма на =m обозначала действие настоящего времени, соотношенное с прошлым и передаваемое по-русски словом: "бывало": *ođın bölüge* (АТI, с.11) "выходит, бывало"; *saпaa bölüge bi* (АТI, с.12) "Думаю, бывало, я".

С речевым глаголом ge= в форме соединительного деепричастия (geju) форма на =m обозначала намерение действующего лица совершить действие: *tere öripen avım geju eöged...* (АТII, с.170) "Он отправился взять свой долг". С этим же глаголом в форме предельного деепричастия выражалось намерение совершить действие: *... qan-u altan ordu-yı küriyem getele qayan medeju...* (АТII, с.121) "...намеревались уже окружить союстой ханский дворец, но хан узнал [об этом]..."

В отдельных случаях форма на =m указывала на действие, относящееся к прошлому. Обычно это вытекало из сложившейся ситуации и определялось контекстом: *tere üze=dür... kegiıken eginöü uıılam* (АТII, с.133) "При этих словах... дети заплакали".

Форма на =m/ =mü близка по значению с предыдущей. Она также обозначала действия, совершающиеся обычно, повседневно, часто: *ođır butı man=dur ireju... ösüz uıdaıan uıju ođımı* (АТI, с.15) "Каждый день приходит к нам, пьет кумыс и уходит", а также действие, совершающееся в момент речи: *ken=ü kö'üt... eyin idemü* (Ск.ск. §200) "Чьи это юнши едят [сейчас] мясо?".

Но в отличие от формы на =m форма на =m/ =mü не отмечена в сочетании со служебными глаголами, но употреблялась с модальной частицей je, которая добавляла ей значение вероятности или, напротив, определенности в совершении действия: *hoı-yın irgen =ü yabıdal qadıca medelü je* (Ск.ск. § 24) "Худага ведь [наверное] знает поведение лесных народов"; *ımaı ueka ü/ilje qadaıan öıdalu je* (СI., 1338, с.53) "Он определенно сможет выполнить [возвратить] великие дела".

Форма на =aii / =aii - третья форма настояще-будущего времени, употреблявшаяся в текстах XIII-XIV вв. и в языке АТ. По своему значению и употреблению она соответствовала форме на =ai / =ai (возможно, представляя ее фонетический вариант) и обозначала как и предыдущая действие настоящего: сэйге... егін одули (ТД, 33, F 19r) "Сейчас... я иду искать" и будущего времени: ᠶаᠭ-ᠪаᠭар кергін затушии ёи (ТД, 33 F 24 v) "Как ты будешь жить в одиночестве?". Как и =ai / =ai она не употреблялась со служебными глаголами, а частица ᠶе придавала обозначенному этой формой действию значение несомненности или некоторой экспрессии: ᠶнен болушииᠶа кешен зедкии ёи (ТД 41, F 30r) "Я думаю, что это, наверняка, правда".

Форма на =а впоследствии исчезла из письменного монгольского языка, сохранившись в первоначально "чистом" виде лишь в баоанском и монгорском языках, где она стала употребляться как показатель будущего времени (Тодзева, 1964, с.84). Вероятно, в исконном значении этой формы присутствовала определенная модальность, в связи с чем мы и не обнаружили примеров на употребленные формы на =а с модальной частицей ᠶе, тогда как две другие формы с ней употреблялись.

Глаголы на =а употребляются иногда и в современном монгольском языке с модальным значением вероятности действия: ᠬүрэм "пожалуй, достигнет" (Галсан, 1975, с.219).

Форма на =ai / =ai. Что касается формы на =ai, то в текстах XIII-XIV вв. нам встретился всего лишь один пример на ее употребление: ᠶабур намур тагир=аи ᠶаᠭ ᠶаᠭ-тур дугаданай ᠶе (КС, 376) "Вспоминают только во времена весеннего и осеннего жертвоприношения", где ее значение соответствует значению других форм настояще-будущего времени. Форма на =ai, видимо, появилась позже других, так как в наших текстах XIII-XIV вв. она не встречается, но употребляется в тексте АТ, где обозначает действие настоящего времени по отношению к моменту речи: ᠶатун көвөгүн ёину мөндү бауинам (АТП, с.47) "Госпожа и сыновья твои здоровы", а также действие, которое произойдет в будущем: ...есе мөргүйбөсү дауисулдалам ёи (АТП, 176) "Если не поклонись, я буду враждовать с тобой". Рядом ученых эта форма признавалась составной, состоящей из окончания слитного деепричастия на =и и служебного глагола аи < аи (форма настояще-будущего времени от ныне архаичного глагола а "быть") (Рам-

стедт, 1957, с. 106; Р. Порре, 1955, с. 205, 261; Weiers, 1969, с. 137). Однако Г. Д. Санжеев возражал против такого толкования на том основании, что сочетание $=и + ами$ "не имеет такого распространения, какое характерно для сочетания соединительного деепричастия с вспомогательными глаголами (Санжеев, 1963, с. 124). Что касается сочетания (формы слитного деепричастия со служебным глаголом $ами$, которое могло бы привести к сращению компонентов и образованию формы $на = нам$, то такие примеры встречаются: $уа-
уи ами$ (АТ, с. 10, 79) "иду", $ирен ами$ (АТ, с. 49) "приближаются (подходят)". В диалекте хуззу монгольского языка слитное деепричастие $на =н$ также, сочетаясь с глаголами-связками $а$ или $и$, образует глагольную форму $на =на/=ни$ со значением настоящего времени (Тодяева, 1973, с. III).

Форма $на =нам$ известна и современному языку, но исключительно книжному (Галсан, 1975, с. 219).

Форма $на =нја/=јам$ употребляется нечасто и известна не во всех монгольских языках. Возводится она к окончанию изъявительной глагольной формы $на =н$ + частица $ја$. Г. Д. Санжеев (1963, с. 13) рассматривал ее среди изолированных повелительно-желательных форм. Мы считаем, что эта форма и по своему происхождению и по выявленному нами в текстах значению относится к изъявительным формам.

В текстах XIII-XIV вв. особая форма $на =нја$ не зарегистрировано. В тексте АТ она уже встречается и обозначает действие, которое произойдет в будущем с определенной долей уверенности или вероятности его исполнения: $Mong\ol\ oyrad\ bauiduqula\ bide\ qouar\ qaqwja\ gebe$ (АТ, с. 130) "Если монголы и ойраты сражаются, то мы двое выйдем на поединок". С тем же значением употребляется и вариант $=јам$ (результат метатезы $=нја > =јам$). Слияние частицы $=ја$ с морфемой $=н$ привело к ослаблению модального значения этой частицы и она стала повторно употребляться при этой форме.

Примеры из текста АТ и из другого памятника письменности XVII в. "Шара туджи", где эта форма употребляется особенно часто, подтверждают ее значение как формы, выражающей действия настоящего и будущего времени (в зависимости от контекста) с оттенком утверждения или уверенности в его осуществлении: $Torü-yi\ bidan\ =u\ ja\ sauy-a\ geju\ irejeja$ (АТ, с. 170) "Ведь он приехал, чтобы управлять державой нашей"; $Käüge\ ese\ kürtebci\ egeüs=tur\ üre$

ünü kürtemje (Цара туджи, с. 29) "Хотя сейчас я не удостоился (награды), но дети мои удостоятся (ее)".

Прошедшее время выражалось, как и сейчас, тремя различными формами: =ba/=bai ; =luča/=lüge ; =juči/=šici. Две последние имели различные фонетические варианты, особенно в тексте "Сокровенного сказания" (Подробнее о них: Weiers, 1969, с. 158-159).

В отечественном и зарубежном монголоведении эти формы чаще всего определяются как: совершенный презент - форма на =luča, совершенный претерит - форма на =ba/=bai и имперфектный претерит - форма на juči/=šici (Санжеев, 1963, с. 129).

Поиски различий между ними велись в направлении установления степени завершенности действия в рамках прошедшего времени или выявления их дополнительных модальных или видовых отличий. Но если в форме на =juči/šici, обозначающей давнее и вполне закончившееся действие, почти всеми последователями устанавливалось наличие особого модального оттенка неожиданности действия (Котвич, Поппе, Санжеев), то мнения относительно конкретной разницы между =luča и =ba расходились. Одним это различие виделось в том, что первая (=luča) обозначала достоверное в прошлом действие, о котором сообщается как уже об известном слушающему, а другая (=ba/=bai) сообщала о неизвестных слушателю событиях (Бобровников, Котвич). Форме на =luča в отличие от =ba/=bai приписывался также и модальный оттенок несомненности и безусловной законченности действия (Санжеев, 1963, с. 190).

Некоторые монгольские языковеды видят разницу между тремя указанными формами в том, что =juči/šici в отличие от двух других содержит в себе дополнительное значение "заглазости", т.е. что она обозначает такое действие в прошлом, в осуществлении которого повествующей не принимал никакого участия, а осведомлен о событиях с чужих слов или путем умозаключения, две другие - =luča и =ba "непосредственно связывают говорящего с действием" и тем самым как бы сближают время действия с моментом речи, что отсутствует в форме на =juči/šici. Отличие же между формами =luča и =ba видится лишь в том, в какой форме - устной или письменной речи, они употреблены: первая свойственна устной речи, а вторая - письменной (Г. Бадан, 1985, с. 75-81).

Анализ текстов XIII-XIV вв., а также текста АТ дает возможность сделать следующие выводы.

Форма на =juči/šici в отличие от форм на =luča и =ba

обозначала такое законченное в прошлом действие, при котором повествующий, как правило, сам лично не присутствовал, а являлся лишь свидетелем последствий этого действия или слышал от кого-то об этом и поэтому для него, равным образом и для слушающего, это действие представляется как бы неожиданным или необычным, т.е. эта форма наделена определенным модальным оттенком.

Итак: 1) форма на $\text{=iugi/}=\text{uigi}$ выражала абсолютное прошедшее время, независимо от того, совершилось ли оно в далеком прошлом или сравнительно недавно по отношению к моменту речи; 2) в большинстве случаев говорящий прямым участником и свидетелем этих действий не являлся; 3) только этой формой можно было выразить действие, которое оказывалось неожиданным или непредвиденным с точки зрения говорящего, собеседников или участников описываемых событий; 4) но модальное значение неожиданности, непредвиденности действия и в самых ранних текстах не являлось доминирующим для данной формы. Она употреблялась и в тех случаях, когда надо было просто подчеркнуть, особо выделить ту информацию о прошлом, которая была достойна вызвать интерес и внимание слушателя. Поэтому этой формой часто обозначались действия, начинающие повествования, особенно исторические; 5) эта форма употреблялась и тогда, когда действие относилось к моменту речи и представляло собой обычную констатацию факта (С-18, с. 99-105).

Форма на $=\text{ba}$ имела эмфатические варианты $=\text{bai}$ и $=\text{bi}$, последний в доклассических текстах употреблялся иногда в качестве показателя того, что действие имеет отношение к лицу женского пола.

Это была одна из самых распространенных форм прошедшего времени, обозначающая действие, совершившееся в прошлом. При этом временная локализация этого прошлого по отношению к моменту речи выявляется в контексте. События прошлого обычно излагаются так, будто повествующий сам присутствовал и был их свидетелем.

Форма на $=\text{ba}$ была характерна для повествовательной речи при описании событий, произошедших в прошлом и при этом относящихся: 1) к отдаленному прошлому, 2) закончившихся незадолго до момента речи; 3) заканчивавшихся в момент речи. Повествующий, как правило, являлся сам участником или свидетелем произошедших событий или был о них хорошо осведомлен. В отдельных случаях этой формой обозначалось действие настоящего, соотношенного с прошлым, а также (редко) как форма предупреждения о еще не совершившемся,

но вполне возможном действии: ... аq=a ĵaq=a minu alaǰdaba ai
ǰi bosǰu būruǰuā kemeṇ (ТД 61, F, 56v) "...мой старший брат, ты
можешь быть убит. О, встань и спасся бегством".

Форма на =luǰa, так же, как и форма на =ba, передавала
значение прошедшего времени и имела при этом также различную
степень соотношенности с моментом речи: от действия, закончивше-
гося давно, недавно, а также закончившегося или заканчивающегося
в момент речи. Но по сравнению с формой на =ba данная форма упо-
треблялась значительно реже, подтверждая тем самым факт "книжност-
и" формы на =ba и свой "разговорный" характер, так как в наших
текстах она более свойственна диалогу, ответу на прямой вопрос,
в собственных рассуждениях автора.

Следовательно, в отношении временной локализации действия
перфектный презент (=luǰa) и перфектный претерит (=ba) практиче-
ски не отличались, так как и та и другая употреблялась для обозна-
чения действия, имевшего место как в отдаленном прошлом, так и
сравнительно недавно, а также и в момент речи. Объединяло их и
то, что повествующий являлся, как правило, либо участником описы-
ваемых событий, либо хорошо о них знал. Главное же отличие между
ними состояло в том, что перфектный претерит свойственен спокой-
ной повествовательной речи, отсюда и его частое употребление в
соответствующих литературных жанрах, тогда как перфектный пре-
зент характерен для диалога, прямой речи, личным рассуждениям
участников описываемых событий.

Монгольские причастные формы совмещают в своем значении как
глагольные, так и именные признаки. Поэтому и в предложении вы-
полняют как предикативную, так и субстантивную, и атрибутивную
функции. Причастных форм несколько и степень предикативности их
различна, соответственно различна и частота употребления той
или иной формы в функции сказуемого или иных членов предложения.

Причастие будущего времени. В доклассических и классичес-
ких текстах в качестве показателя этого причастия употреблялись
три формы: =qu/=kū, =qui/=kūi, =qun/=kūn.

Форма на =qu/=kū, как правило, имела отношение к ед.ч.
действующих лиц и употреблялась в предикативной, субстантивной
и атрибутивной функциях.

В доклассических текстах в предикативной функции эта форма
чаще употреблялась в своей основе, в классическом с различными
связками и служебными глаголами, которые уточняли время дейст-

вия и придавали ему различные модальные оттенки (0-2, с.101-109). В качестве определения причастие на=qu употреблялось как в своей основе, так и в родительном падеже. В субстантивном употреблении имело значение отглагольного имени. В роли подлежащего сопровождалось, как правило, местоименными притяжательными частями.

Форма на=qui/=kui употреблялась в тех же синтаксических функциях, что и форма на=qu/=ku, но соотношение этих функций как в доклассическом, так и в классическом несколько иное. Будучи более "именной" она чаще по сравнению с предыдущей употреблялась субстантивно и в качестве определений, а с падежными формами в роли дополнений и обстоятельств (0-2, с.109-114). Именно из-за своего более "именного" характера эта форма в современном языке стала употребляться для обозначения многочисленных абстрактных логико-философских понятий (Пирбеев, 1984, с.54).

Некоторые исследователи связывают употребление форм на=qu и=qui с категорией рода: qu - для мужского рода, =qui для женского (У. Doerfer, 1955, с.250-251). В отдельных случаях такое соответствие действительно наблюдается. Ср.: sira noqai metü siçabañajü qarqu büle (Ск.ск. § 21) "Уходил бивало, пропараясь словно желтый пес" и Baö'e kö'üdiyen alur ker üjeküi bi (Ск.ск. § 112) "Как мне теперь смотреть в лицо своим сыновьям?" (Говорит женщина). Однако такое соответствие встречалось не часто и это было скорее исключение, чем правило. Поэтому нет оснований считать употребление этих двух форм в зависимости от категории рода.

Форма на=qun/=kün представляла собой форму множ.ч. В исследованных текстах функции этой формы в принципе такие же, как формы на=qu/=kü. Отличало ее лишь то, что в доклассических текстах и в языке АТ она употреблялась, когда подлежащее или определяемое в предложении имели форму множ.ч., а также когда сама эта форма, субстантивируясь, обозначала множество: degereße irekün bodisdv nar (ТД, 56, F 52y) "Спустившиеся сверху бодхисаттвы"; ulus=i ñinu ken=e medegülkün teade (АТН, с.42) "Кому они позволяют управлять твоим народом?".

Но согласование в числе и в доклассических текстах уже строго не соблюдалось, что вело к нерегулярному употреблению форм на=qun, которая все чаще заменялась формой на=qu/=kü. Утрата согласования в числе привела и к исчезновению этой формы.

современном языке она отсутствует.

Причастие прошедшего времени (форма на =*zan*/*gsen*) обозначает законченное действие по отношению к моменту речи. Значение прошедшего времени сохраняется независимо от функции в предложении.

Однако несмотря на свое ярко выраженное временное значение, а причастная форма как в доклассических текстах, так и в языке АТ значительно чаще, чем в современном языке, в функции сказуемого употреблялась с различными глагольными связками, придавая ей дополнительные временные и модальные значения. В качестве определения она характеризовала предмет с точки зрения сошедшего в прошлое действия (0-2, с. 115-125).

Форма на =*zad*/*gsed* представляла собой форму множ.ч. от *zan*/*gsen* и в доклассических текстах употреблялась при согласовании в числе подлежащего со сказуемым, определения с определяемым: *tem čaq=tur olan irgen sayin üge kemen altaqtaldıqsad ču* (С1., 1335, с. 72) "В те времена многие люди восхваляли друг друга, говоря хорошие слова"; *boydas çad=ın orusıyulduzsad ıbsad* (НС, 6а) "Облачение, установленное (законом) для мудрых авителей". В своем субстантивном значении эта форма обозначала лиц, характеризуемых по совершенному им действию: *Qotış=ada rgsed kemeldübei* (С1., 1346, с. 70) "Прибывшие (те, кто пришел) из Хорума, говорили друг другу..."; *şungqaç=ıyar tögögırsad=ı getülgeküi çaq ınu eüge bolju amui* (ТД, 23, ф 4v) "Сейчас стало время спасать заблудившихся в невежестве".

Но утрата согласования в числе вела и к сокращению употребления этой формы. Нарушался и сам принцип согласования: форма множественного числа причастия стала употребляться и при единственном числе определяемого: *ıluv çıgiya'an jöbaçaat eke vıcu* (Ск.ск. § 242) "Матушка ведь (больше всех) потрудилась над изданием государства". А при множественном числе определяемого использовалось причастие в единственном числе. Ср. примеры: *ıraqulaçsan tatar* (АТ1, с. 116) *ıraqulaçsad tatar* (АТ1, с. 116) "крепившиеся татары", т.е. в языке уже не придавалось особого значения формальному согласованию в числе.

В современном же языке это причастие (форму множественного числа имеет лишь тогда, когда оно употребляется субстантивно) обозначения множества лиц, например: *ırsed* "приехавшие".

Однократное причастие (форма на =*çıi*/*çüi*). Эта причастная

Форма обозначает действие или способность к действию, присущие лицу или предмету. Во временном отношении она близка по значению с изъявительными формами настоящего-будущего времени и с формой многократного причастия на =daŋ. Как глагольно-именная форма она употребляется в предложениях в тех же синтаксических функциях, что и другие причастные формы. Но в отличие от современного языка, где она редко употребляется в качестве сказуемого и значительно чаще субстантивизируется, пополняя класс имен существительных, особенно в терминологии и в названиях учреждений, в доклассических текстах она чаще всего использовалась именно в роли сказуемого, тем самым подтверждая свой более "глагольный" характер в те времена: egüdüŋsen büŋüde möngke busu ... ödter ebderegsüŋüi (ЛД 23, F 5x) "Все, что возникло, невечно и вскоре исчезает". В тексте АТ форма на =ŋüi в качестве сказуемого употреблялась уже значительно реже и в основном использовалась в качестве определения, дополнений, подлежащего, характеризуя лицо (предметы) по признаку, качеству, способности к действию, выраженным в глагольной основе (0-2, с.126-130).

Причастие на =ŋai = gei; =ŋa = ge (в "Сокр.ск." =-ai =-ei), Эта древняя форма, названная в свое время Ал.Бобровниковым (1849, § 246) "прошедшее неоконченное причастие", в своем положительном значении, т.е. без отрицания edüi / edüŋüi / üdüŋüi "еще не", обозначает действие, которое началось в прошлом и продолжается в настоящем или в каком-то отрезке этого настоящего; Dunŋ-ŋang-balaqasu abu'ai (Ск.ск. § 247) "Взяли город Дунчанг".

Однако положительная форма данного причастия в предикативной функции встречалась не часто, а употреблялась преимущественно с отрицанием dui / edüi / edüŋüi обозначая при этом, что действие еще не наступило, но ожидается или могло произойти: ŋaŋadai ŋimai-yi töŋüge edüi olan qaraŋus=i quraŋ=a edüi qan eŋige-dün ŋinu küŋün öŋŋürün bi (АТII, с.63) "Когда ты еще не родился, Чагадай, и еще не собрал народ, я уже служил твоему отцу".

Многократное причастие (форма на =daŋ = deg). Само название этого причастия свидетельствует о том, что оно обозначает такое действие, которое является обычным, постоянным для данного лица (предмета) в каком-то отрезке времени. Иначе говоря само по себе оно не имеет временной соотнесенности, а указывает лишь на характер протекания действия, его постоянность или частоту. Время же действия определяется исключительно глагольными связками.

В доклассических текстах эта причастная форма употреблялась значительно реже, чем в классических. В тексте "Сокровенного сказания" она встретилась всего в двух предложениях, в которых употреблена в определительной функции: (0-3, с.116). В современном языке форма на =daγ стала все чаще употребляться в функции сказуемого без глагольных связок, соответствуя в таких случаях индикативной форме глагола настоящего времени (Ц.Цэцэн-дамба, Автореф. 1970, с.11).

Деепричастные формы. По своему происхождению, структуре и семантике монгольские деепричастия делятся на две группы. К первой относятся три деепричастия: соединительное, разделительное и слитное. Ко второй все прочие. Между этими двумя группами существуют различия не только в их значении и функциях, но и в их происхождении.

Первые три сложились, по-видимому, в далекой древности. В памятниках XIII-XIV вв. они представлены как вполне сложившиеся формы, дошедшие в таком виде и до наших дней. Что же касается второй группы, то эти же памятники свидетельствуют, что многих из современных форм в то время еще не было или они только сформировались, как например, форма на =γsaγar (Продолжительное деепричастие) из окончания причастия прошедшего времени на =γzan и показатели орудного падежа =γar. Можно проследить и более позднее образование уступительного деепричастия на =bū из компонента изъявительной глагольной формы на =ba и усилительно-выделительной частицы bū. В древних монгольских текстах это деепричастие отсутствовало, а частица bū с формой на =ba употреблялась крайне редко. Ныне же в языковом сознании современных монголов суффикс =bū считается неразложимым, а само деепричастие обладает всеми признаками, присущими всем без исключения деепричастиям. (А.Шарху, Автореф., 1971, с.7).

Если разряд I-ой группы стабилен со времен его образования, то этого нельзя сказать о 2-ой группе, так как многие из имеющихся в современном языке форм отсутствовали не только в доклассическом, но и в классическом языке, как например, формы на =нгаа, =нгуут, =хлаар и др.

Соединительное деепричастие (Показатель =šū=čū) является одной из наиболее распространенных форм как в доклассических, так и в классических текстах. В предложениях это деепричастие выявляет различную степень зависимости от конечного сказуемого,

а также и само выполняет роль сказуемого в сочетаниях с различными служебными глаголами и связками. В функции финитного сказуемого соединительное деепричастие обозначает конкретное действие, а связка или служебный глагол оформляют сказуемое грамматически и придают ему временное значение, а также модальные или видовые оттенки. В качестве служебных глаголов употреблялись многие знаменательные глаголы с той или иной степенью ослабленности своего лексического значения. Служебная функция грамматикализованных глагольных форм проявляется только в деепричастных сочетаниях, в которых служебный глагол придает всему комплексу характер продолжительности, длительности или законченности, завершенности действия, а также соотносительность действия с тем или иным временным планом. Это глаголы *buıı* = "быть, находиться", *uabu* = "идти, ехать", *ıre* = "приходить", *kebe* = "лежать", *öru* = "давать", *orkı* = "бросать", *a* = "бить" и др.

Кроме того соединительное деепричастие с относящимися к нему словами образует деепричастные конструкции ("деепричастные обороты"), в которых является организующим центром и широко распространенным средством связи частей сложного предложения. Имея собственный источник (субъект) действия, эти деепричастия функционально более свободны по отношению к заключительному глаголу-сказуемому. Степень проявления самостоятельности таких оборотов разная: она зависит как от семантического содержания стержневого деепричастия, так и от синтаксической функции оборота в целом. Одни из них носят в той или иной степени подчинительный характер, другие более свободны и независимы в своем значении (0-9, с.3-19; 0-2, с.137-148).

Слитное деепричастие образуется присоединением к глагольной основе суффикса *-n*. Функции этого деепричастия во многом общие с соединительным. Оно также выполняет функцию "срединного сказуемого" в различных деепричастных конструкциях и употребляется с теми же служебными глаголами и глагольными связками: *tede tatar tanın ajuıu* (Ср.ск. §67) "Те татары оказались знакомыми".

В доклассических и классических текстах было весьма распространенным употребление формы слитного деепричастия с модальными глаголами *ııda* = "мочь" и *uada* = "не мочь", тогда как в современном языке эти глаголы употребляются преимущественно с формой соединительного деепричастия: ...*urıdu=taıan taqıl tabııı=un üile saqın ııdamıı j=a* (НС,7а) "...только тогда (они) смогут

сохранить дело жертвоприношения своим предкам". Редким случаем представляется употребление формы слитного деепричастия от архаичного глагола а= "быть, существовать": ...mün tendeken=е ülegüй цагай an bui (IC, 33в) "Только тогда не проявляют ли себя души предков?".

Происхождение формы на =n связывается генетически с омертвелой ныне формой причастия на =i < ^x=j < ⁿ (Санжеев, 1967, с. 144-145). Поэтому, вероятно, именно из-за ее "причастного" происхождения в современном языке получила широкое распространение своеобразная "субстантивация" этого деепричастия: оно участвует в образовании составных наименований и терминов (форма слитного деепричастия + имя): нягтлан бодох досл. "тонко разбираясь, думать" > "бухгалтер"; адлан газар досл. "пользуясь земля" > "угодыя, владения". При этом происходит особого рода эллипсис, когда опорное слово опускается, а все значение передается одной деепричастной формой: нягтлан бодох > нягтлан "бухгалтер", тэнсэн хутагаа > тэнсэн "испытательный срок". В современном языке это явление довольно позднее, но оно постепенно расширяется и проникает в сферу словообразования как синтактико-морфологический тип словообразования (Львовев, 1984, с. 95).

Разделительное деепричастие (показатели $\neq ad / = ved$) В "Сокр. ск." - = 'at/= 'et). Сфера его употребления как в текстах XIII-XIV вв., так и в тексте АТ была значительно уже по сравнению с двумя предыдущими. Основная его функция в предложении - обозначение действия, предшествующего другому, завершеному или заканчивающемуся к началу следующего действия. При этом временной промежуток между двумя действиями может быть разным: от совсем краткого, когда за действием, обозначенным разделительным деепричастием, непосредственно следует другое, до значительного по времени.

Контекстуально действие, выраженное этим деепричастием, могло происходить и одновременно с действием (слитного сказуемого (С-2, с. 155-160).

Подобно соединительному и слитному деепричастиям разделительное также участвует в образовании деепричастных конструкций со своими собственными субъектами действия. В таких случаях разделительное деепричастие всегда обозначает действие, предшествующее действию или событию, выраженному в главной части предложения.

Между тремя деепричастиями I-ой группы не существовало (как не существует и сейчас) такой резкой грани, чтобы в предложении нельзя было бы употребить одну форму вместо другой. Заменяемость этих трех форм часто связана со стилистическими и эвфоническими обстоятельствами во избежание тавтологии в одном и том же предложении, хотя несомненно, когда требовалось особенно подчеркнуть предшествование одного действия другому, употреблялась форма разделительного деепричастия.

Особенностью деепричастий второй группы является их семантико-синтаксическая однозначность, т.е. в большинстве своем они указывают на различные обстоятельства совершения действия: время, условие, цель, причина и т.п. и в меньшей степени другие функции. Время действия этих форм, как правило, предшествует действию, выраженному в синитном сказуемом и зависит от него.

Условное деепричастие (показатели =basu/=besü, реже - =γasu / =gezü. {В "Сокр.ск." - = 'asu/= 'esü}). Это одна из древнейших и весьма распространенных как в доклассических, так и классических текстах форм. Значение этого деепричастия выявляется в сложных предложениях, где оно обозначает действие как реальное или (при соответствующих модальностях) ирреальное условие, при котором совершается или может совершиться действие: *eyin kibesu γasaγu sinaiγu=yin joriγ bolu* (HC, 36a) "Если (он) поступает так, значит намеревается горевать и оплакивать (мертвых)".

Вторым распространенным значением условного деепричастия является обозначение времени, в момент которого или вслед за которым совершается другое действие. Ученые уже обратили внимание на то, что временное значение в этой форме предшествовало условному (Севортян, 1960, с. 7). Поэтому в более ранних текстах и даже в классических временное значение этой формы преобладает над условным.

Наряду с условным и временным деепричастие на =basu передает иногда и уступительное значение. В монголоведной литературе высказывалось мнение, что уступительное значение этому деепричастию придает усилительно-выделительная частица *ber* (Санжеев, Поппе). Однако уступительное значение могло передаваться и без частицы *ber*: *aγula kedui ber öndür bolbasu amitana aburiγ-daγū degere=ben γartaγu* (ATP, с. 30) "Хотя гора и высока (как бы ни высока была гора), живые существа, взобравшись на нее, бывают выше".

Кроме того =basu+ber передает и временное значение: silam=tur orabasu ba esebesü ber qaqba möngke tngre mede kemejü... (МЛУДЕ, с.48) "Когда совершать или не совершать омовение, знает только вечное Небо".

Следовательно, условным деепричастием передается широкий круг значений: от условно-временных до уступительных, что выявляется только в контексте.

В тексте АТ условное значение передает и форма: на =sa/ase, зафиксированная в ограниченном количестве глагольных основ: barasa baraya teşüese teşüye (АТН, с.136) "Если кончат, то кончим, если поймать, то поймаем" и форма на =qula/=küle, последняя имела как временное, так и условное значения: Jüge ireküle qafaly=a buu neşü öş (АТН, с.120) "Когда придет Джуге, ворота не открывать"; kerbe barıqula şıladur öşsü (АТН, с.147) "Если захватишь, отдам тебе".

Деепричастие предела (форма на =tala/=tele). Она обозначала: 1) действие, являющееся условием или пределом для совершения последующего действия: kövegün=i ese oltala... buu iredkün (ТД 38, F 26v) "Не возвращайтесь до тех пор, пока не найдете мальчика"; 2) действие, вслед за совершением которого наступало или должно наступить другое действие: öş=tegeki=yin jam şartala şabçisu (АТН, с.98) "Как только выйду на дорогу, разрублю каждого на своем пути".

Кроме того этой формой обозначалось и такое действие, вопреки или несмотря на которое совершается другое. В таких случаях оно имеет уступительный характер и обычно переводится со словом "хотя": bi üşügiken boşol... küşün bögetele... bil tas=un ayaşus=i silüg selte joqıaıju... (С1., 1362, с.67) "Хотя я и ничтожный раб... (я) сочинил текст (звучит) стелы вместе со стихами". В отдельных случаях форма на =tala передавала редкое значение "вместо того, чтобы": yeke öşületele yeke öşkü gele geşü döngşud=un (öşülegeş) yabubai (АТН, с.80) "Вместо того, чтобы много говорить, лучше прикусить язык", - сказал (он) и удалился".

В доклассических текстах типичным было сочетание формы на =tala + вопросительное местоимение yaşu "что?", которое имело значение "почему?", "зачем?" совершать действие, обозначенное в глагольной основе или "что остается делать": öştü şakılış=tai =yi ese daruşa şarıtala yaşun kemeşesü... (ТД 62, F 57v) "Почему (мы) должны вернуться без покорения ненавистного şäkyä?".

Продолжительное деепричастие. Хотя происхождение этой деепричастной формы довольно прозрачно: ее форманты =*γsabar* / =*γseber*; =*γsaγar* / =*γseger* (в "Сокр.ск." - = *qsa'ar* / =*kse'er* = *kseyer*) состоят из окончания причастия прошедшего времени =*γsan* / =*γsen* и показателя орудного падежа =*bar* / =*ber*; =*γar* / =*gar* / =*yar* / =*yer*, эта форма относится к древним образованиям, так как в текстах XIII-XIV вв. она уже часто использовалась с широким кругом значений. Она обозначала такое длительное действие, во время или после которого следовало другое, выражало причину и другие обстоятельства для совершения какого-либо действия, употреблялось со связками в качестве заключительного сказуемого и даже иногда субстантивно (сказывается его причастно-падежное происхождение): ...*olja olbasu oluγsabar abutaγun* (АТI, с.148) "...если захватите добычу, захваченное берите (себе)" (С-2, с. 172-174).

Целевое деепричастие. Показателем этого деепричастия служит =*r-a* / =*r-e*. В доклассическом, классическом и современном языках оно употребляется с единственным значением, а именно - обозначает действие, которое служит целью для совершения другого действия: ...*uridu qad-tur inu taqir-a ireγsen aγuγu* (ИС, 14а) "Пришли, чтобы принести жертвоприношения своим прежним ханам".

В АТ эта форма зафиксирована в сочетании с постпозиционным отрицанием *edüküi* "еще не": *Nama! alar-a edüküi üäter qarit-γun* (АТI, с.109) "Побойтесь возвращайтесь, пока меня еще не убили". Необычность такого употребления состоит в том, что употребление деепричастий с постпозиционным отрицанием не типичное явление в монгольских языках. В данном случае это также проявление происхождения этой формы из отглагольного имени на =*r* и окончания местного падежа =*a*.

Деепричастие на =*r-un* / =*r-ün*. Эта деепричастная форма занимает особое место в монгольском языке. Она употреблялась только в письменных текстах как ранних, так и классических и совершенно неизвестна в живой разговорной речи, а в современном языке лишь изредка употребляется в произведениях эпистолярного жанра, где образуется от основ некоторых речевых глаголов и всегда предвещает прямую речь.

В доклассических и классических текстах эта форма употреблялась весьма часто и основами ее служили не только речевые, но и многие другие глаголы. Нами зафиксировано свыше шестидесяти

различных глагольных основ, которые употреблялись в этой форме в классических текстах (О-12, с.80-86).

Нередко эта форма предворяла прямую речь, откуда и получила свое название "цитатное деепричастие".

Однако это была не главная и далеко не единственная функция этого деепричастия. Она обозначала и время действия, отвечая на вопрос "когда?", "при каких обстоятельствах?": Tejizen tabiylar-un bayasqayulqu-yi erkilegdekü (ИС 21в) "Когда сын служит родителям, питая их, он должен прежде всего доставлять им радость"; а также и действие, которое могло послужить целью или иными обстоятельствами для совершения другого действия: Ау, а köbegün-iyeu amin=i abugar-un ken=dür Jalbarin ödiözei bi (ТД 46, F 37в) "О, кому мне поклониться, чтобы спасти жизнь своему сыну?" Употреблялась эта форма в начале предложения, выступая в качестве не свойственной деепричастиям функции определения к следующему за ней слову: qarugca nagan zaqa-yin kil-iyeu... (Ск.ск. § 21) "На рассвете (досл. на границе восходящего солнца и луны)".

Итак, эта форма по своему значению и употреблению отличается как от деепричастий I, так и от деепричастий II. А поскольку она не известна живым монгольским языкам, правомерно предположить ее заимствованный характер. Заимствование ее произошло, видимо, под тюркским влиянием и скорее всего одновременно с введением уйгурского письма. Поэтому и сферой применения этой формы был письменный язык, а в живом разговорном языке она заменялась другими глагольными формами, обыкновенно формами окончательными (Котвич, 1902, с.115).

По мнению В.Л.Котвича форма на =г - это особая глагольная форма, возникшая в тюркских и тунгусских языках. "Первоначальное значение этого суффикса стерлось, и в разных языках он служит для образования разных форм, которые только более или менее точно определяют время или какую-нибудь другую категорию глагола. Чаще всего суффикс =г образует формы настоящего, ближайшего будущего или же недавнего прошлого времени. Они имеют характер причастий, но могут выступать и в качестве изъявительного наклонения глагола" (Котвич, 1962, с.276-277). В монгольских языках этот суффикс =г обнаруживается двояко: в форме деепричастия на =г=а и в форме на =г=и .

Уступительное деепричастие. Это деепричастие в ранних до-

Классических текстах отсутствовало. Оно образовалось позже из окончания глагольной формы прошедшего времени на =ba и усиленно-выделительной частицы: $\delta u/\delta i: ba + \delta u(\delta i) > b\delta u \sim b\delta i$.

В тексте АТ уступительное деепричастие употребляется, хотя в количественном отношении и уступает всем другим. Обозначает оно такое действие, совершение которого влечет за собой иной результат в другом действии, что обычно переводится словами "хотя сделал то-то...": $Oyin=au \minu \text{ } \dot{u}ge \text{ } be\dot{u}ba\dot{c}i \text{ } opu\dot{u} \text{ } kelek\dot{u}n=i \text{ } berke \text{ } bolumu$ (АТН, с. 7) "Хотя в мыслях и есть слова, но трудно высказать их".

В целом количество деепричастий П как в доклассическом, так и в классическом языке значительно меньше по сравнению с современным, где их ныне насчитывается до семнадцати различных форм (А. Шарху, Автореф. 1971, с. 19-20).

Наречия. Появление наречий относится к далекому прошлому и уходит в историческую глубину, о чем свидетельствуют и самые ранние памятники монгольской письменности.

К древнейшим наречиям, многие из которых известны в классическом и современных языках, относятся те, которые состоят из морфологически неразложимого корня, а также и те, которые с точки зрения современного языка неразложимы, но исторически в них можно выделить словообразовательные морфемы.

К первичным, неразложимым, относятся: $zau\dot{i}$ "недавно", $zav\dot{i}$ "очень", $zav\dot{a}$ "немедленно", "сразу", "одновременно", $mun\dot{d}a$ "сейчас", "теперь", последнее не употребляется в современном монгольском языке и считается неразложимым на его почве. Это наречие пять раз употреблено в "Сокровенном сказании" и два в "Алтан тобчи". Оно же, как отмечает В. Л. Котвич со ссылкой на Г. М. Рамстедта, зарегистрировано и в языке моголов Афганистана в парном употреблении со словом $ende$ "здесь" (Котвич, 1962, с. 156-167). Наречие $mun\dot{d}a$ со значением "тут" зафиксировано и в тюркских памятниках XIV в. (Файзуллаева, 1969, с. 17).

В. Л. Котвич возводит его к тюркскому указательному местоимению bu "этот", варианты которого $bu\dot{n}$ // $lu\dot{n}$ // $m\dot{u}na$ проникли в монгольский язык и получили распространение в ряде словарных форм (Котвич, 1962, с. 156).

В "Сокровенном сказании", в китайско-монгольских надписях 1335 и 1362 гг. встречаются сочетания $m\dot{u}n-e(m\dot{u}n) \text{ } qou\dot{u}na$, $mona \text{ } qou\dot{u}na$, переводимые "в будущем" и "навсегда" или, как предла-

чал Э.Л.Котвич, "теперь и в будущем". Сопоставление параллельных с "Сокровенным сказанием" мест текста "Алтан тобчи" дает основание считать, что *mön* в АТ употреблялось и в значении *munda* (Орловская, 1984, с.185), т.е. *mön* = // *mün* = имело широкий круг значений, в том числе и значение "именно", "собственно". В связи с этим отметим, что в современном калмыцком языке сочетание *мин* (Минь) *ода* обозначает "[именно] теперь, сейчас, только что" (РКС, 1964, с.638; КРС, 1977, с.593). А в бурятском языке имеются наречия *мунөө* "сегодня; сейчас, теперь", *мунөө-эр* "сегодня" (БРС, 1951, с.324).

В других наречиях можно выделить характерные для них словообразовательные морфемы, нередко восходящие к падежным окончаниям. Это суффиксы: = *ʃar* / = *ger*: *qotalaʃar* "повсюду", *mana-tar(u)* "утром", "завтра"; = *si*, = *ʃsi*, = *ʃsida*: *üdesi* "поздно вечером", *üaegsi* "к северу, в северном направлении", *dotorʃsida* "во внутрь" = *da*: *nasuda* "навечно", "навсегда"; = *ta* / = *te*: *ilete* "ясно, отчетливо"; = *ra*: *ʃaʃura* "по пути"; = *na*: *ʃadana* "снаружи"; = *ʃun* / = *ʃün*: *dergedegün* "рядом"; = *ʃi*: *ülelʃi* "значительно, очень"; *ürgelʃi* "постоянно, непрерывно"; = *i*: *darui* "тотчас, немедленно".

Послелоги мы делим на: I/ собственно послелоги, т.е. те, которые семантически не соотносятся с реальными предметами, признаками или действиями и выполняют в предложениях только роль грамматических показателей. Число их крайне ограничено как в доклассических, так и в классических текстах. Самыми распространенными из них были *tula/tulada* "так как, потому что", для того, чтобы", "за", "ради"; *metüso* сравнительно-уподобительным значением. В доклассических текстах употреблялся неизвестный в современном языке его синоним *sitü*, а также послелоги *selte* "вместе с", *saša* "подобно".

II/ послелоги, изолированные (грамматикализированные в той или иной степени) формы знаменательных слов, выделившиеся главным образом из разряда наречий, реже - имен и глагольных форм. Они управляют падежными формами, сохраняя при этом ту или иную степень соотношенности с исходными лексическими единицами. К ним относятся, например, *degere* "на", "над", *dergede* "рядом с", *üšere* "за", "позади", *ʃaqu'un* "между", *öžöde/ögede* "вверх по", *uruʃu* "вниз по", *siqan/siqan* "около", "у", *kürtele* "до", "вплоть до" и др. (О-15, с.25-34).

Частицы - это разряд служебных единиц, объединяемых общей для них функцией. Они способствуют выражению различных смысловых оттенков отдельных слов или предложения в целом и несут дополнительную эксплицитно не выраженную семантику в текст. В большинстве своем частицы обладают весьма развитой семантикой, неясным и неопределенным, практически непереводимым значением.

В монгольских языках существует несколько разрядов частиц, но всех их (за исключением некоторых отрицательных) объединяет общее свойство - расположение в постпозиции по отношению к обслуживаемому слову или предложению. Большая часть из них - одноклассные архаичные формы, не возводимые на синхронном уровне к какой-либо части речи. Среди усилительно-выделительных частиц, употреблявшихся в доклассических и классических текстах, в основе значения которых лежит стремление обратить внимание читателя (слушателя) на то или иное слово, часть высказывания или предложение в целом, следует отнести частицы *ber*, *kü/gü*, *ba*. Первая из них была наиболее распространена, но в отличие от всех других совершенно неизвестна современному монгольскому языку. Употреблялась она после любого члена предложения и любой части речи (за исключением изъявительных глагольных форм). Две другие, близкие ей по значению, (при этом *kü/gü* употреблялась после любой из глагольных форм) сохранились в современном языке, но лишь в некоторых словоформах в качестве словообразовательных морфем: *ünen kü > ünengkü >* халх. үнэнхүү "действительно" или *ali ba > aliba >* халх. аливаа "всякий", "каждый". Частица этого же разряда *eie* (предполагается ее местоименное происхождение "этот", "тот самый") также употреблялась после любого члена предложения. В отличие от предыдущих она активно используется и в современном языке. Частица *᠖i/᠘i* в ранних текстах употреблялась редко, но впоследствии, заменив *ber*, *kü* и *ba*, стала наиболее распространенной в современном языке. Что касается частицы *je*, которая, с одной стороны, употреблялась в качестве модальной, придавая какому-либо действию или предложению в целом оттенок сомнительности, неуверенности, ненадежности, а с другой, находясь в начале предложения, имела значение одобрения, согласия с чем-л., то мы полагаем, что в древнем языке существовали две омонимичные частицы. Первая из них в сочетании с глагольной связкой *bu* + *ja* дала *буйжаа* или *биз* в современной орфографии. Она всегда

находится в конце предложения и имеет модальное значение предположительности, вероятности, а ее омоним $\text{ʃe}/\text{ʃa}$ (в современной орфографии ʒe) всегда употребляется в начале предложения и выражает согласие или одобрение (С-21, с.).

В текстах III-XIV вв. и в АТ употреблялась только одна вопросительная частица $\text{ü}/\text{üü}$ с некоторыми (фонетическими вариантами (в современном языке их две), которая ставилась в конце предложения (изрядка - после отдельных членов предложения или отрицательных частей) для передачи прямого, риторического, альтернативного и всех прочих видов вопросительных значений.

Частицы отрицания подразделяются на I - препозитивные:

а) запретительные, употребляемые только при повелительно-желательных формах и б) собственно отрицательные - при всех остальных глагольных формах и II - постпозитивные, стоящие после имен и причастных форм. Что касается запретительных частиц, то в доклассических текстах и в АТ использовалась только одна bu/buu "не" (в современном языке их две), выражающая прямой запрет при всех повелительно-желательных формах (за исключением формы опасения на $=\text{ʃuʃai}/=\text{güʃei}$). Единственный зафиксированный нами случай употребления buu перед формой будущего причастия можно объяснить тем, что в данном примере выражено повелительное значение: buu boldaqui (ТД, 32, F 18v/ "не должно быть дозволено".

Перед прочими глагольными формами отрицаниями служили ese и üü "не". Частица ese употреблялась перед изъявительными глагольными формами прошедшего времени: $=\text{ʃuʃui}$, $=\text{luʃa}$, $=\text{ba}/=\text{bai}$; перед причастием прошедшего времени и деепричастными формами (соединительным, условным, разделительным, предела).

Частица üü употреблялась перед глагольными формами на: $=\text{mu}$, $=\text{müi}$, $=\text{yu}$, $=\text{t}$, перед формами причастия будущего времени, перед причастием на $=\text{ʃci}$, а также перед слитным, реже - соединительным и разделительным деепричастием, перед формой на $=\text{cip}$. Такое разграничение сфер употребления этих двух частиц связано с тем, что отрицательные частицы, в отличие от других, не поддающихся этимологизации, могут быть возведены к их возможному праформам: ese $k^{\text{xe}}e+su$, где $=su$ возводится к su -фиксу $\text{nomem perfecti}=\text{gsAn}$, в котором $=\text{sa}$ содержит перфектное значение (Л.Вешо, 1974, с. 7), а üü к $\text{ü}+=\text{lü}$, где $=\text{lü}$ можно рассматривать как первый компонент в $\text{praesens perfecti}=\text{lüʒA}$

(Гамстедт, 1903, с. 81). Слово-отрицание *ücei* "не", "нет", "без", которое в современном языке основательно потеснило все прочие отрицательные частицы, в доклассических и классических текстах употреблялось значительно реже по сравнению с двумя предыдущими. В постпозиции ко всем именам и причастным формам *ücei* обозначало отсутствие чего-либо, а в препозиции к некоторым глаголам обозначало "привести к отсутствию того, что обозначено в глагольной основе: *ücei bolqu* "исчезнуть", "скончаться".

Частица *busu/busı* - именного происхождения со значением "иной", "другой". В качестве отрицания имела значение "не...", а: *möngke busu* (ТД, 24, F 6v) "не вечно, а...".

Словоформа *edüküi/edüküi=e* употреблялась только в сочетаниях с причастием прошедшим неоконченным со значением "еще не": *öñi ber boluq=a edüküi* (ТД, 29, F 13r) "ночь еще не наступила".

Притяжательные частицы делятся на: а) лично-притяжательные и б) безлично-притяжательные, или возвратные.

Лично-притяжательные восходят к формам личных местоимений, частично утративших свою местоименную функцию, что было обусловлено их слабой синтаксической позицией - после соответствующего имени, в результате они утрачивали свое атрибутивное значение: (в монгольских языках определение всегда предшествует определяемому). Ослабление лексического и грамматического значений этих местоимений привело к ослаблению и их смысловой нагруженности и самостоятельного ударения. В результате они стали придавать знаменательным словам различные экспрессивно-стилистические оттенки. В доклассических текстах лично-притяжательные частицы 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч. формально совпадали с формой родительного падежа соответствующих личных местоимений: *minu* "мой", *manu* "наш", *šinu* "твой", *tanu* "твой", "ваш", *inu* "его", "ее", *anu* "их".

Под влиянием устной речи стали возникать формы *mini*, *šini*, *mani*, *tani*. Коммуникативно более активными были *minu*, *šinu*, *inu*, *anu*, менее - *manu*, *tanu*. Вопреки существующему мнению, что инклюзивное местоимение 1-го л. ед. ч. *viden* не может быть использовано в качестве лично-притяжательной частицы, примеры такого употребления нами зафиксированы: ср. *viden=ü šerišü* (АТИ, с. II7) "наши воины" и *ešige=yü viden=ü* (АТИ, с. II0) "отца нашего".

Что касается притяжательных частиц 3-го л., восходящих к исчезнувшим ныне из языка местоимениям 3-го л. *inu*, *anu*, то в доклассических текстах употреблялись четыре формы: *inu*, *anu* и

возникшие под влиянием разговорной речи n_i, i со значением "его", "ее", "их", причем смысловые оттенки их колеблются от эмоционально-экспрессивных до нейтральных.

Безлично-притяжательные, или возвратные, частицы указывают на отнесенность объекта к лицу вообще, имеют значение "свой" и поэтому присоединяются к именам только в косвенных падежах. Представлены они несколькими формантами в зависимости от падежа имени и от способа написания (совместного или раздельного) с падежным показателем. Их употребление полностью соответствует такому в современном языке, за исключением их графического оформления.

Из союзов наиболее употребительными были: ba , $kige\delta$, $b\delta ge\delta$, $ji\delta i$, $kerbe/kerber/kerbete$.

Союз ba , как правило, выполнял соединительную функцию при однородных членах предложения; $kige\delta$, восходящий к форме раздельного дееспричастия от глагола ki - "делать" и уже утративший этимологическую связь с глагольной основой, употреблялся, с одной стороны, в качестве соединительного "и" или "также"; с другой - имел значение "и другие", находясь после ряда однородных членов или части предложения; $b\delta ge\delta/b\delta ge\delta$ этимологически связан с формой раздельного дееспричастия от глагола $b\delta =/b\delta =$ "быть", "становиться". В качестве связанного слова его употребление ограничено значением "тогда", "в таком случае". $kerbe/kerber/kerbete$ употреблялся перед условным дееспричастием со значением "если". Союз $ji\delta i$ имел значение "но", "однако", "также", "потом". Функцию союза "и" выполнили числительные $qoyagi$ $ji\delta in$ "два".

Заключение

Историко-сопоставительное изучение являка памятников монгольской письменности разных эпох показало, что исконная грамматическая система письменного монгольского языка, зафиксированная в самых ранних дошедших до нас текстах, сохранялась и до наших дней. Вместе с тем выявлены и значительные отличия языка доклассических и классических текстов от норм современного языка. Это касается грамматических (и прежде всего морфологических) средств словоизменения, в меньшей степени суффиксального словообразования, которого мы касались лишь попутно.

Анализ текстов показал также, что различные по своей природе морфологические данные увязываются в целостную систему развития

языка, его грамматических категорий с древних времен до современности. Это подтверждает общеизвестный факт, что язык — не застывшая раз и навсегда система с определенным набором морфологических средств, а система, находящаяся в постоянном развитии и изменении.

Основные факты, полученные в результате исследования и свидетельствующие о динамике развития морфологических категорий, изложены в докладе. Здесь же дается лишь их краткое перечисление.

Грамматическая система языка доклассических и классических текстов характеризуется следующими особенностями:

1/ Падежная система в них была представлена одними и теми же падежами и за редким исключением сходными формантами. Исследование подтверждает генетическую связь между винительным и родительным падежами, наличие первоначально одних формантов для двух падежей, представляющих фонетическую модификацию одной преформы $*=in > *=inu$, которая сопоставляется с личным местоимением 3-го л.ед.ч. в дагурском языке $in'on$, $in'i$ "род.п. и лишь позднее расчленение их на разные в диалекте, легшем в основу письменного монгольского языка. Тогда как в других языках (бао-аньском, дунсянском, монгорском, дагурском, языке кельтх уйгуров и некоторых диалектах бурятского языка) родительный и винительный падежи до сих пор сохраняют одни и те же показатели.

Первоначальное совмещение разных значений объекта и посессива объясняется скорее всего тем, что в древности родительным падежом принадлежность выражалась без какого-либо оттенка объектности, а винительным — принадлежность с оттенком объектной предметности, которая в отдельных монгольских языках (халхаский, бурятский, калмыцкий) вытеснила в последнем значение принадлежности, и винительный падеж в них обособился от родительного.

2/ Мнения многих алтаистов, считавших местный падеж на $=a/=e$ уже архаичным в древнемонгольском и окончательно исчезнувшим в классическом, следует считать несостоятельным, так

как в текстах XIII-XIV вв. и в XVII в. этот падеж был представлен довольно широко и употреблялся наряду с другими падежными формами в самых различных значениях и наращивался на разные основы, оканчивавшиеся на широкий круг согласных и гласный *ий* тонга.

3) Дательно-местный падеж в текстах XIII-XIV вв. представлен только двумя формантами *=dur* и *=da*, в отличие от классического, где их три: *=dur*, *=du*, *=da*. Мы считаем, что вариант *=du* в классическом является усеченной формой от *=dur*. Что же касается формантов *=dur* и *=da*, существовавших параллельно как в доклассических, так и в классических текстах, то мы полагаем, что *=da* был заимствован из тюркских языков, в которых существовал полифункциональный местно-исходный падеж на *=da/=de*, с чем, видимо, связано и наличие в этих текстах двойного дательно-местно-исходной формы от *=da/=ta / =dača/=tača/* и невозможность образования ее от *=dur/=tur* или *=du/=tu*.

4) Редкое употребление совместного падежа, которому в доклассических и ранних классических текстах была более свойственна определительная функция и формант которого *=tai* в современном языке превратился в омонимичный падежному продуктивный суффикс образования имен прилагательных, компенсировалось соединительным падежом на *=lu/=a*. Этот падеж с комитативным значением сохранился в ряде монгольских языков и диалектов, но отсутствует в современном (халхаском) языке.

5) Среди двойных падежных форм наиболее распространенной была дательно-местно-исходная форма, сохранившаяся в современном языке практически в одной словоформе гэртээс "из дома". Появление этого двойного падежа в монгольском связано скорее всего с влиянием древнетюркских языков, полифункциональный местно-исходный падеж которых на *=da/=de* в монгольском языке для передачи собственно аблативного значения требовал показателя исходного падежа на *=ča/=če*. Употреблялись также совместно-винительный, редко совместно-родительный падежи.

Однако мы признаем и тот факт, что в монгольских языках изменение имен по падежам имеет не только формально-грамматическое, но и лексико-грамматическое значение: винительный падеж нередко субстантивирует другие части речи, совместный, употребляясь в определительной функции, образует имена, близкие по значению к прилагательным, а родительный, выражая притя-

кательность, образует притяжательные имена.

6) При бесспорном факте употребления в доклассических текстах разных глагольных форм или суффиксов *-tai* и *-ti* в зависимости от наличия в предложении имен мужского или женского пола, это не была закономерная и последовательно выраженная система, а лишь отдельные ее и сравнительно редкие факты. Поэтому существование грамматической категории рода и в ранних монгольских текстах следует поставить под сомнение, поскольку отдельные факты согласования глагола-сказуемого с действующими лицами в предложении (по полу) лишь допускают возможность присутствия такой категории в более древнем языке или диалекте, по которым у нас отсутствуют какие-либо источники.

7) В доклассическом языке, в меньшей степени в классическом, существовало (хотя и не совсем регулярное) формальное согласование в числе подлежащего со сказуемым, определения с определяемым. В современном языке оно практически отсутствует, т.е. развитие монгольского языка шло от согласования формального к согласованию логическому.

8) В доклассических текстах система показателей множественного числа имела уже полное развитие и представлена была теми же формантами, что и в классическом и современном языках. Употребление форм множественного числа шло постепенно в сторону его ограничения. Классические тексты в этом отношении ближе к нормам современного языка, хотя и в них, так же, как и в доклассических, форму множественного числа получали имена, которые в современном языке либо вообще употребляются только в единственном числе, либо имеют уже другие показатели множественности.

9) В отличие от классического и современного языка в текстах XIII-XIV вв. употреблялись два местоимения I-го л. мн. ч. *ba* и *bidan/biden* "мы", причем последнее постепенно вытеснило первое, которое исчезло из языка, вероятно, к XV в. Среди личных местоимений в текстах XIII-XIV вв. сохраняется почти полная парадигма склонения местоимения 3-го л., тогда как в классическом и современном языке остались лишь рудименты этого местоимения в форме родительного падежа в качестве лично-притяжательных частиц *inu* и *anu*.

В доклассических текстах *inu*, *anu* употреблялись препозиционно, как и прочие личные местоимения, и постпозиционно, в

честве притяжательных частиц.

10/ Числительные доклассических текстов, в отличие от классического и современного языков, характерны наличием архаичных (форм написания некоторых порядковых числительных, а также чередованием глухих и звонких заднеязычных в ряде числительных первого десятка, неполным стяжением гласных, а также наличием обычной для XII в. формы с начальным *h*. В тексте "Сокровенного сказания" наряду с числительным *qoyar* "два" употреблялось и древнее *ǰirin* "ид".

11/ Повелительно-желательные формы и их значения, выявленные в текстах XIII-XIV вв., представлены и в языке АТ. Однако повелительная форма 2-го л.м.ч. (форма на =*dqun*/=*dqün*) в классических текстах была заменена на =*ʃtun*/=*ʃtün*. Последнюю мы считаем результатом метатезы =*dqun* > *dqun* > *ʃtun*.

Повелительно-желательные формы I-го л. на =*su* и =*suǰai* в оклассических текстах и в тексте АТ употребляются в одном и том же значении, поэтому мы рассматриваем их не как две формы равными значениями, как это имеет место в других работах, а как одну пропозитивную форму, где =*suǰai* является исходной, в которой элемент =*ǰai*, выполняющий эмфатическую функцию, был аккультивным.

12/ Среди глагольных форм не прошедшего времени в доклассических и классических текстах часто употреблялась отсутствующая в современном языке форма на =*u*, которой было присуще модальное значение достоверности, убежденности или необходимости в совершении обозначенного в глагольной основе действия и которая употреблялась, как правило, в различного рода изречениях, поучениях, наставлениях.

13/ В тексте "Сокровенного сказания" употреблялась изъявительная форма на =*t*, которая к XIII в. полностью исчезла из языка. Ее редкое употребление в данном тексте и впоследствии полное исчезновение свидетельствует скорее всего о том, что она была заимствована, оказалась чуждой монгольской речи, а так как в монгольском языке имелись другие формы для обозначения не прошедшего (настоящего и будущего) времени, то она была ими вытеснена.

14/ В доклассических текстах и в АТ для обозначения настоящего и будущего времени использовались три формы: на =*ʃ*/=*ʃu* /=*ʃai*. Первая в отличие от двух других употреблялась с глаголь-

ными связками $a\dot{z}u/a\dot{z}u\dot{u}$, $\dot{v}\dot{b}l\dot{u}ge$, придающими ей временные и модальные оттенки. В более поздних классических текстах эта форма уже не употреблялась и сохранилась лишь в боаянском и монгорском языках, как показатель будущего времени. Форма на $=nam$ в наших доклассических текстах не зарегистрирована, но в АТ уже использовалась. По-видимому, это позднее образование, возникшее в разговорной речи из сочетания окончания слитного деепричастия $=n$ и служебного глагола $am\dot{u}$ \dot{y} nam .

15/ Форма на $=m\dot{a}$, состоящая из окончания изъявительной глагольной формы на $=m$ и модальной частицы $\dot{z}av$ в текстах XIII-XIV вв. не выявлена, но имеется в тексте АТ. По употреблению ее в АТ и особенно в летописи того же XIII в. "Шара туджи" мы в отличие от $\dot{z}an\dot{z}eev$, 1968, с. 117, где она рассматривается в числе "изолированных повелительно-желательных форм", относим ее к изъявительным, со значением возможности, а также утверждения и уверенности в осуществлении обозначенного в глагольной основе действия.

16/ Из трех форм прошедшего времени форма на $=\dot{z}ugui/\dot{z}u\dot{q}ui$ обозначала абсолютное прошедшее время, не зависимо от того, совершалось ли оно в далеком прошлом или недавно по отношению к моменту речи. При этом рассказчик, как правило, прямым участником или свидетелем описываемых событий не являлся. Только этой формой можно было выразить модальное значение неожиданности или непредвиденности совершившегося действия. Но это значение не было доминирующим для данной формы: она употреблялась и для обозначения обычных действий в прошлом.

Форма на $=ba/\dot{v}ai/\dot{v}i$ (последняя употреблялась только в доклассических текстах для обозначения действия, относящегося к лицу женского пола) была характерна для повествовательной речи при описании событий, относящихся к прошлому. Лишенная в своем значении каких-либо модальных оттенков она могла сопровождаться модально-усилительными частицами. Временная локализация действия в прошлом по отношению к моменту речи выявлялась в контексте.

Форма на $=lu\dot{z}a/\dot{v}l\dot{u}ge$ также обозначала действия в прошлом и так же, как и $=ba$, имела различную соотношенность прошлого с моментом речи. В письменных текстах она употреблялась значительно реже по сравнению с $=ba$, подтверждая тем самым свой "разговорный" характер и факт "книжности" формы на $=ba$. При

употреблении этих форм автор или рассказчик описываемых событий чаще всего предстает как их непосредственный участник или свидетель.

17) В доклассических и классических текстах три формы причастия будущего времени, употреблялись в любой из синтаксических функций, но соотношение этих функций было разное. Форма на =qui/=kii, будучи более "именной" по сравнению с формой на =qu/=ki, чаще употреблялась субстантивно, в качестве определения и дополнений. Именно поэтому в современном языке она стала использоваться для обозначения разных логико-философских понятий. Форма на =qun/=kin как форма множественного числа использовалась в доклассическом и классическом языке при согласовании в числе с подлежащим или дополнением, а субстантивируясь, обозначала множество лиц. Но поскольку согласование в числе уже в доклассическом языке строго не соблюдалось, эта форма стала употребляться нерегулярно, чаще заменялась формой на =qu/=ki. В современном языке она отсутствует.

18) Причастная форма на =yá/=zái в доклассических текстах чаще всего использовалась в роли сказуемого, тем самым подтверждая свой "глагольный" в то время характер. Однако в тексте АТ Ве функции сместились в сторону других членов предложения: определений, дополнений, подлежащих. В современном языке употребляется преимущественно субстантивно, пополняя класс имен существительных, особенно в терминологии и в названиях учреждений.

19) Три деепричастия I-ой группы сложились в далекой древности и их зафиксирование в текстах XIII-XIV вв. формы сохраняются и в современном языке. Что же касается деепричастий II-ой группы, то многие из современных форм отсутствовали не только в доклассическом языке, но и в классическом.

Особое место среди деепричастий II занимала форма на =run. Она употреблялась только в письменных (в доклассических и классических) текстах и неизвестна в живой разговорной речи, а в современном языке изредка употребляется лишь в текстах эпистолярного жанра. В своем значении деепричастие на =run не только предвораило пряную речь, отчето и получило свое название "цитатное", но употреблялось и во многих иных значениях и обрзовывалось не только от речевых глаголов, но и от многих других глагольных основ.

20) Существование класса наречий, как самостоятельной

части речи также относится к далекому прошлому и уходит в историческую глубину, о чем свидетельствуют самые ранние письменные памятники. К древнейшим из них относятся те, которые морфологически не разложимы, или в которых только исторически можно выделить словообразовательные морфемы. Почти все они за некоторым исключением [*munda*, *manaγar(u)*] употребляются и в современном языке. Кроме первообразных существует немало и производных, образованных посредством наречных суффиксов.

21) **Послелогои подразделяются** на: 1) собственно послелогои, т.е. единицы, семантически не соотносимые с реалиями и выполняющие в предложении роль только грамматических показателей (число их как в доклассических, так и в классических текстах весьма ограничено) и 2) послелогои - грамматикализованные в той или иной степени формы знаменательных слов из ряда наречий, имен, реже глагольных форм. Они управляют различными падежами, сохраняя при этом ту или иную степень соотнесенности с исходными лексическими единицами.

22) Что касается разряда частиц, то доклассические и классические тексты характерны наличием выделительных частиц *ber*, *ba*, *ki*, первая из которых вообще не известна современному языку, а две другие сохранились лишь в нескольких производных с ними словоформах и были заменены другими частицами этого разряда.

23) Из союзов и союзных слов наиболее употребительным как в текстах XIII-XIV в., так и в тексте АТ, был союз "ба", соединяющий однородные члены предложения. В современном языке этот союз сохранился как наследие старописьменного языка, но со значительно более узкой сферой употребления в книжном и канцелярском языке.

24) Современный монгольский язык впитал в себя грамматические формы и их значения, доставшиеся от разных эпох в развитии письменного языка, а также возникшие под влиянием разговорной (главным образом халхаской) речи. За многовековую путь развития этого языка одни из них сохранились, другие изменились (фонетически или исчезли совсем) и были заменены разговорными формами (например, класс. глагольные формы на *=mci*/*=mci* на (о)му *=na*).

Список публикаций, имеющих отношение к теме диссертации

- 1/ Орловская Л.Н. Имена существительные и прилагательные современного монгольского языка. М., 1961, 6 п.л. (в докладе кратко: 0-1/).
- 2/ Орловская Л.Н. Язык "Алтан тобчи". М.: Наука, 1984, 15 л. (0-2/).
- 3/ Орловская Л.Н. Употребление причастий в "Сокровенном сказании монголов". - Филология и история монгольских народов. М., 1958, с.101-126 (0-3/).
- 4/ Орловская Л.Н. О непроездовых наречиях в монгольских языках. - Праткие сообщения ИИА, № 83. Монголоведение и тюркология. М., 1964, с.23-28 (0-4/).
- 5/ Орловская Л.Н. Особенности употребления винительного падежа в языке "Алтан тобчи". - Олон улсын монголч эрдэмтний 1-р их хурал, I-р боть, Улаанбаатар, 1973, с.356-361 (0-5/).
- 6/ Орловская Л.Н. Употребление множественного числа в языке "Алтан тобчи" - Исследования по восточной филологии. М., 1974, с.207-218 (0-6/).
- 7/ Орловская Л.Н. Способы образования производных наречий монгольском языке. - Исследования по восточной филологии. М., 1974, с.185-207 (0-7/).
- 8/ Орловская Л.Н. О некоторых грамматических особенностях языка "Алтан тобчи". - Проблемы алтаистики и монголоведения. Веп.П. М., 1975, с.176-184 (0-8/).
- 9/ Орловская Л.Н. Функции соединительного деепричастия в классическом монгольском языке. - Вопросы грамматической системы монгольских языков. Элиста, 1980, с.3-19 (0-9/).
- 10/ Орловская Л.Н. Конструкции с двумя падежными формами монгольских языках. - Олон улсын монголч эрдэмтний IV-р их хурал, II-р боть, Улаанбаатар, 1984, с.363-372 (0-10/).
- 11/ Орловская Л.Н. К изучению памятников монгольской письменности. - Всесоюз. науч. конф., посвященная 100-летию со дня рожд. акад. Б.Н.Владимирцова: Тезисы докладов. М., 1984, с.95-7 (0-11/).
- 12/ Орловская Л.Н. Форма на =гун в классическом монгольском языке. - Монгольский лингвистический сборник. М., 1985, с.80-86 (0-12/).
- 13/ Орловская Л.Н. О периодизации истории монгольского ли-

тературного языка. - Mongolica. Памяти акад. Е.А.Владимирова (1884-1961). М., 1986, с.80-90 (0-13).

14/ Орловская М.Н. Наречия в системе частей речи в монгольских языках. - Материалы 3-го Международного конгресса монголоведов. Доклады советской делегации. Т.П, М., 1987, с.108-112 (0-14).

15/ Орловская М.Н. О грамматикализации некоторых лексических единиц в монгольских языках. - Проблемы монгольской (ди)логии. Элиста, 1988, с.25-34 (0-15).

16/ Орловская М.Н. Китайско-монгольские надписи XIV в. как источники для изучения доклассического монгольского языка. - Проблемы истории и культуры монгольских народов (источники и традиции). Тезисы. Улан-Удэ, 1989, с.40-42 (0-16).

17/ Орловская М.Н. On the category of gender in pre-classical mongolian. - Abstracts of papers of the conference participants. Ulaanbaatar, 1990, с.36-36 (0-17).

18/ Орловская М.Н. Глагольная форма на = juqui/zuqui в доклассическом монгольском языке. - VI Международный конгресс монголоведов в г.Уланбаторе. Доклады российской делегации. Т.П, М., 1992, с.99-105 (0-18).

19/ Орловская М.Н. Памятники монгольской письменности XIII-XIV вв. как источники для изучения древнего монгольского языка. - Монгольский лингвистический сборник. М., 1992, с.74-85 (0-19).

20/ Орловская М.Н. Три "ба" в древних монгольских текстах. Владимирцовские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции, 25-26 октября, 1993г. М., 1994, с. (0-20).

21/ Орловская М.Н. Услышительно-выделительные частицы в доклассическом монгольском языке. - Российское монголоведение. Бюллетень Общества монголоведов РАН. М., 1995, с. (0-21).